

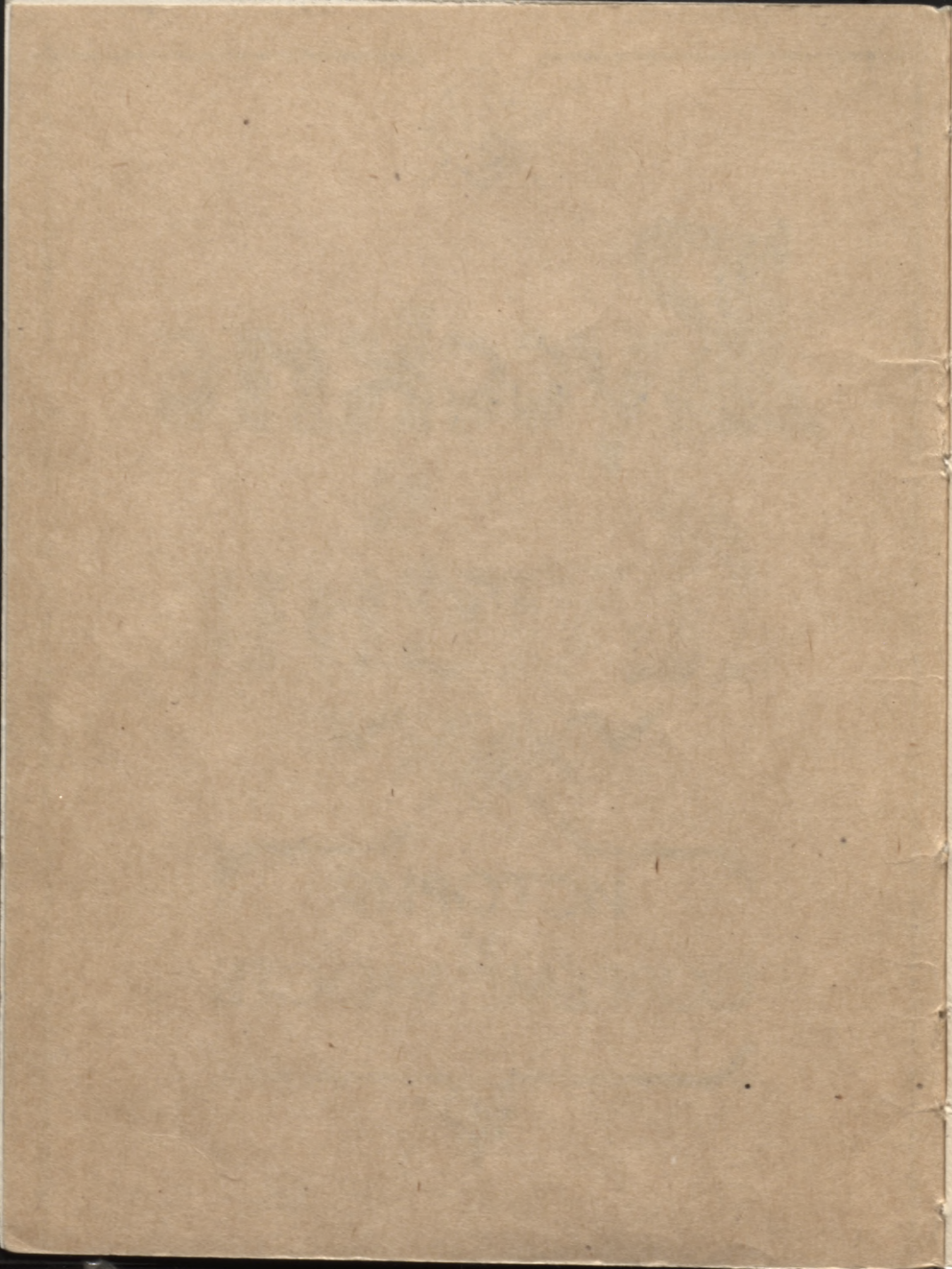

Русские в Латвии

ИСТОРИЯ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ

РУССКИЕ В ЛАТВИИ

История и современность

Выпуск I

Рига 1992

Русские в Латвии: история и современность
Отв. ред. И.И. Иванов / Науч. ред. Б.Ф. Инфантьев / Рига, 1992.
Вып. I - 80 с.

Когда появились русские на территории нынешней Латвии, как они на ней расселялись ? Какова была их жизнь, контакты с коренными жителями этой территории на протяжении почти восьми столетий ? Как менялся национальный состав населения Латвии, ее крупных городов за последние 110 лет ?

Ответы на эти вопросы читатель найдет в предлагаемом выпуске сборника "Русские в Латвии: история и современность", являющегося как бы преемником изданных в 1933 и 1934 годах книг "Русские в Латвии".

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью "ЛАД"

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Дни русской культуры" в Латвии в 1933 году были отмечены изданием празднично оформленной художником Ю.Г. Рыковским книги "Русские в Латвии".

Председатель редакционной коллегии приват-доцент Рижского института университетских знаний В. Преображенский в Предисловии писал: "Цель этого сборника — всесторонне осветить положение и значение русских в Латвии в настоящем и в прошлом и тем содействовать, с одной стороны, росту и развитию национального самосознания у русских, с другой — сближению латышской и русской народностей на основах взаимного уважения и национально-культурного равноправия."

С тех пор прошло столетия и сегодня, издавая подобный сборник, мы можем предварить его буквально теми же словами. Тема "Русские в Латвии" на протяжении последнего столетия хотя и рассматривалась историками, этнографами, филологами, однако обобщающих исторических работ не появилось. Поэтому заменить опубликованные в 1933 году исторические очерки новыми материалами оказалось невозможным. Сказанное, однако, не означает, что с 1940 по 1990-е годы исследователи не касались проблем расселения русских в Латвии, их жизни, быта, культуры. Поэтому в некоторых местах читатель увидит примечания редактора, уточняющие отдельные положения включенных в сборник трех статей.

РУССКИЕ В ЛАТВИИ

Исторический очерк. Конец XII - начало XIII в.

Широко раскинулась Восточно-Европейская равнина. Отделенная на востоке от необозримых пространств Сибири вытянувшимся в меридиональном направлении Уральским хребтом, на западе дотянулась она до самого Балтийского моря - Латырь-моря русских былин. Здесь-то, на окраине равнины, а по представлениям древнего русского человека - на окраине мира - по обеим берегам Двины-Даугавы и Гауи, по этим рекам проходили пути "из варяг в греки", приютилась страна, в X-XII веках заселенная финскими и балтийскими племенами¹. Смещение упоминаемых в начальной русской летописи племен - летигола и сель, земигола и корсь с проживавшими в северной части ливами (у Нестора - ливь), дало этнографическую основу латышской (или "летской", как ее называли В.Кюхельбекер, А.Бестужев, Н.Карамзин вслед за немецкими источниками) народности. Но не финской крови суждено было дать антропологические и языковые признаки вошедшим в тесное с ними соприкосновение балто-славянским (или индо-европейским) племенам. Как латыши, так и восточные славяне (и прежде всего русские, в язык и обычаи которых вошло немало финских элементов), наложили свой господствующий

1) Одно из местных племен, загадочные венды (отсюда названия реки - Вента, русское название Вентспилса - Виндава, Цесиса - Венден) едва ли не славянского происхождения; под этим именем известны у германцев славяне, а у эстонцев - русские (wened).

ций отпечаток на возникшие путем смешения народности; точно так же обстояло дело и с языками. Сохранившееся и донныне сходство русского и латышского языков, по признанию лингвистов, ближайших между индо-европейскими народами родичей, удобнее всего проследить на фактах объяснения некоторых современных русских слов из утраченных уже нами в живом языке, но сохранных еще латышами - коренных слов или их старинных значений.

Так, слово "говядина" (а не "коровятина") приобретает ясный смысл от забытого нами древне-славянского "говядо" и латышского "govs" (корова), "поярковый" (напр., шляпа) - от древне-славянского "ярина" и латышского "jērs" (ягненок), "деготь" - от "degt" (горсть), "мытарь" (ср. "неумытый должник") - от "muita" (таможня)², страдный (напр. пора) - от "strādāt" (работать, а не "страдать")³, "стезя" (ср. "ни зги не видно") - от "stiga" (тропа), "изба" (истьба) - от "istaba" (комната), "полк" - от "pulks" (множество); церковно-славянское "толковник" (напр., "перевод 70 толковников"), от старославянского тлъкъ, латышское tulks (толмач); "утекать" (ср. "наутек") - от "tecēt" (бежать мелкими шажками) и т.д. Мудреного во всем этом ничего нет: русский язык, развиваясь на новых местожительствах восточных и южных балто-славянских племен, вбирая в себя новые фино-угорские, хазарские, печенегские, половецкие, скифо-сарматские, а впоследствии и татаро-монгольские элементы, непрестанно отдалялся от своей балто-славянской первоосновы и преобретал все новые и новые региональные очертания, что можно особенно хорошо проследить на огромном количест-

2) Латышское слово "muita" раскрывает тайну древнеславянского произношения буквосочетания "ы": в слове "мытарь": после сопоставления этих слов не остается сомнения: ѣ в древне-русском, как и в древне-славянском языках произносилось как краткое у. То же следует сказать о словах: "мыза" (muiža), "кыль" (kuilis).

3) Значение русского слова "страдать" в значении "испытывать страдания" сравнительно позднего происхождения: в древне-русских памятниках этот глагол является синонимом слова "работать", а "страдники" (латышское "strādnieki") не что иное, как "работники". (Примечание редактора).

ве областных названий растений, животных, названий одежды, строений, орудий производства, даже божеств, демонов и нечистых духов в различных регионах необозримой России. В то же время латышский язык, оставаясь на своем старом местожительстве и контактируя всего лишь с ливами на севере и кривичами на востоке, а после завоевания немецкими крестоносцами всего лишь с русскими купцами, постоянно посещавшими латышский край и после его порабощения Немецким Орденом и Рижским архиепископом сохранили в своем языке - и в лексике и в грамматике - больше древних элементов. Тем самым латышский язык (вместе с литовским) является драгоценнейшим источником для сравнительного языкознания, в том числе и для объяснений многих фактов и явлений русского языка.

Родство, обусловленное общим балто-славянским происхождением, географическое соседство, отсутствие естественных преград, наличие удобных водных путей - стали причиной ранних связей предков русских и латышей, и после обособлений и разъединений восточнославянских и восточно-балтийских племен. Эти связи, бытовые и военные столкновения, нередко обусловленные умыканием жен, "производственные" - обмен ценностями материальной культуры - оружием, сельскохозяйственными и ремесленными орудиями, (например, ткацкого мастерства, гончарного ремесла, плотничества), торговые и культурные связи, - выявляются языковедами, археологами, этнографами. Даже нынешнее название русских у латышей (*krievi*) хранит воспоминание о той седой старине, когда впервые стали встречаться с кривичами (тогда еще название племени!) летигола и сель⁴.

4) Некоторые исследователи отголосок названия кривичей усматривают даже в названии древнепрусского легендарного языческого первосвященника Крива (*Krīvu, Krīvs*). (Примечание редактора).

На родство и общее происхождение восточно-славянских и восточно-балтийских племен указывают общие корни названий предметов, охватывающие все отрасли материальной и духовной жизни. Приведем несколько примеров, сгруппированных по темам⁵:

Астрономические понятия, климатические явления: день (diena), вечер (vakars), ночь (nakts), тьма (tumsa), солнце (saule), месяц (mēncsis), звезда (zvaigzne), небеса (debesis), зима (ziema), снег (sniegs), лед (ledus), серел 'толстый ледяной наст' (sērsna), слана, солана 'иней' (salna 'мороз'), туча (tūce), мгла (migla), роса (rasa), дым (dūmi), огонь (uguns).

Деревья, кусты, фрукты, ягоды: береза (bērsz), липа (liepa), ель (egle), ольха (alksnis), клен (kļava), осина (apse), ясень (osis), ива (ieva 'черемуха'), лоза (lazda), земляника (zemene), брусника (brūklene), журавина 'клюква' (dzērvēne).

Дикие животные и их действия: зверь (zvērs), волк (vilks), хорь (из дѣхорь - dukurs), куна (caune), рысь (lūsis), кусать (kost), соболь (sabulis), олень (alnis - лось), серна (sirna, stirna), туп (taurs), зубр (sūbrs), вепрь (vepris), бодать (badīt), кыль 'боров' (kuilis), заяц (zaķis), бобр (bebris), крот (kurmis), еж (ezis), суслик (susuris), грызть (grauzt), веверица 'белка' (vāvere).

Птицы: тетерев (teteris), гоголь (gaigals 'нырок'), голубь (gulbis 'лебедь'), дрозд (strazds), лелек 'козодой' (lēlis), жеравь 'журавль' (dzērve), орел (ērglis), ворона, ворон (vārna), крик 'ворон' (krauklis), выпь (ūpis).

Орудия и производительные действия: орать 'пахать' (art), рало, ратай (arklis, arājs), семя (sēkla), сеять (sēt), серп (sirpis), грабли (greblis), урожай (raža), зерно (zirni 'горох'), сито (siets), веять (vēlīt), жернова (dzirnakmeņi), молоть (malt), озород 'приспособление для сушки сена' (zārds) сено (siens), жердь (zārdi), мережа 'сеть для ловли рыбы' (meršķis), вятер (venteris), борть 'лесной улей' (burta 'жре-

5) Таблица составлена на основе этимологических словарей М.Фасмера и А.Преображенского.

бий'), жень 'приспособление для добывания меда' (dzcinis), улей (aulis), воск (vaski), бердо 'в ткацком станке' (birde), виток (vīts), нить (nīts), цевка (ķauce, čauča), кудель (kodaļa), цевка (saiva), кий 'палка' (kūja), луб 'кора' (luba), лыко (lūks), смола (smelī 'смолистые поленья'), пепел (pelni).

Человек, части его тела: борода (bārda), голова (galva), грудь (krūtis), дух, душа (dūša 'отвага'), долонь 'ладонь' (delna), жёлчь (žults), жила (dzīsla), зуб (zobs), исто 'почка' (īkstis), колено (celis), локоть (elkonis), нос (nāss 'ноздры'), око (acs), пепет 'палец' (pirksts), плечо (plecs), плоче 'легкое' (plaušas), рука (roka), сердце (sirds), слина 'слюна' (slienā), ухо (auss).

Человек в семье и обществе: деверь (dieveris), зять (znots), мать (māte), свояк (svainis), семья (saime), ятровь 'жена брата мужа' (ietere), люди (ļaudis), друг (draugs).

Мифология: усень, авсень (ūsinš), пекло (pekle), Велес (veļi 'души умерших'), Див (Dievs), доля (daļa), Маpa, Мора (Māra), навь, навье 'мертвец' (nāve 'смерть'), Перун (Perkun-o-s - Perkons).

Другим уцелевшим памятником контактов славянских и балтийских племен XII века являются так называемые "Двинские камни" с высеченными на них крестами и славянскими подписями, которые сделаны князем полоцким Борисом Всеславичем⁶. Торговые отношения по Двине привели к основанию укреплений: Куконоса⁷ (Кокенгаузен, Кокнезе) и Ерсики.

6) Об этих памятниках см. в сборнике: "Latvijas arhaioloģija" Rīgā, 1926. стр.74. См. также "Двинские камни", "Рижский вестник", 1890, N 104.

7) Куконос - вряд ли от слов: "нос (=мыс) Кокны" (ныне реки Персе), а скорее - от слов "Кук-ушкин нос" (об этом Харузин в "Археологических известиях и заметках", т. IV, Москва, 1896). Разновидности имени "Куконос" в русских летописях - "Кукейнос", "Кукепой". (Примечание автора). Кроме этого русского названия на территории Латвии были и другие: Алист - Алуксне, Невлин (Naujiene) - Даугавпилс, Лучин - Люцин - Ludza, Резница - Резекне. Об этом см. "Рижский Вестник" 1886, NN 189, 241; 1890, 254. (Примечание редактора).

В этих городках, по свидетельству современника, старинного немецкого или скорее онемечившегося летописца Генриха Латыша⁸, жили не одни латыши, но были также и русские⁹.

Хронику Генриха в русском переводе можно читать в I томе "Сборника материалов и статей по истории Прибалтийского края", Рига, 1876, стр. 73 и след. Ссылки на нее в дальнейшем (Г.Л.) делаются по этому изданию (римская цифра означает главу, арабская - параграф).

Относительно национальности вождей этих городов высказывались разные мнения. В русских летописях ерсикий князь назван Всеволодом, кокнесский - Вячко. Н.Карамзин в Истории Государства Российского называет их русскими князьями¹⁰. В это же время латышские историки (например, А.Швабе¹¹), признавая ерсицкого и кокнесского князей данниками Полоцкого князя, все же считают их природными латышами, называя первого именем Visvaldis, второго - именем нарицательным "Vecākais", то есть старейшина (в Хронике Генриха-Латыша Vetsece). Поскольку оба князя были православными и в их городах находились православные церкви, безусловно, в этих городах жило и духовенство - в основном, русское. В городах проживало также немало русских купцов и ремесленников. На территории летиголы проездом задерживались и князья соседних русских княжеств. Так, по Ипатьевской летописи, в 1117 у князя Рюрика Ростиславовича на пути из Новгорода в Смоленск в Лючине (Люцине, Ludza), родился сын Михаил. В ознаменование этого события в городе была поставлена церковь во имя святого Михаила.

8) Выражение в его хронике, XVI глава, 3: de Lettis - дало повод к догадке, что он был по происхождению латышом. Возражает И.Юрьенс "О древнейшей ливонской хронике" ("Записки Императорского Русского Археологического общества", Спб. 1904 г., стр. 37,42).

9) Г.Л. XI, 9; ср. XII, 1; XXIX, 5 (данные относятся к Куконосу).

10) Карамзин Н.М. История Государства Российского, том III, глава III.

11) Švābe A. Latvijas vēsture. I daļa. Rīga, 1925. 80. lpp. Само название "Ерсика" по мнению А.Швабе - викингского (варяжского) происхождения.

Хроника Генриха-Латышца¹², Немецкая рифмованная хроника¹³, русская Начальная летопись¹⁴, папские буллы (конца XII-начала XIII в.)¹⁵ широко раздвигают сферу политического влияния Полоцка. В 1106 году полоцкие князья сделали попытку завладеть территорией, населенной зем-иголой - земгалами, но потерпели неудачу¹⁶. Северная Латвия - Талава (в районе Валмиерского и Валкского уездов) с ее православным князем Таливалдисом платили дань Пскову. Здесь духовенство ставилось Псковским епископом¹⁷.

На основании показаний названных выше источников и латышских народных песен мы можем сделать соответствующие выводы. Уплата дани¹⁸, признание верховной судебной власти русских князей¹⁹, выставление вспомогательных войск²⁰ - все это оставляло широкий простор для самоуправления подвластных племен и не грозило им обезличением. Только этим и можно объяснить тот неоспоримый факт, что яд ненависти не отравил сознания братского народа: как и к литовцам - к слову сказать, постоянно делавшим набег на север - у латышской к русским сохранились чувства близости и симпатии, чего нельзя сказать об их отношении к заморским пришельцам-немцам.

12) Г.Л. XXV, 2; ср. XII, 4; XXVIII, 4; I, 3; XIV, 9; XVI, 2.

13) Ст.645-8: "Sehlen, Liven, Letten lant, Waren in der Rusen hant".

14) Полное Собрание Русских Летописей, т.1, стр.5.

15) Папа Климент III (1188 год) относит даже Икскюль (Икшкиле) к России, Гонорий III (начало XIII в.) считает епископов ливонских находящимися в России.

16) Лаврентьевская летопись под 6614 годом.

17) Г.Л. XI, 7; XVII, 2; ср. XVIII, 3.

18) Г.Л. I, 3; XIV, 9; XVI, 2 (об икскюльских ливах); XII, 1 (о летиголе и сели); XI, 7; XX, 5; XXVIII, 9 (о талавской летиголе).

19) Г.Л. X, 3; ср. XVI, 3. И первый епископ Ливонии Мейнгарт, и основатель Риги епископ Альберт признавали полоцкого князя Владимира своим сюзереном, испрашивая у него разрешение проповедовать христианство среди летиголы и сели.

20) В русской летописи 1180 года, где идет речь о походе полоцкого князя Всеслава, упоминается и о ливских вспомогательных войсках.

Приведем в подтверждение сказанного две песни из сборника И. Спрогиса²¹ и заметим при этом, что народные песни слагаются не по чьей-то указке, а свободно изливаются из сердца, отражая подлинные чувства, думы и стремления народа.

(Русский подстрочный перевод)

*Крестами кована Земля русская,
А эта барами обессилена;
Сквозь кресты солнце подымалось,
А сквозь слабых - закатывалось.*

*За русского выдавал я замуж свою сестричку;
А сам брал себе литвинку;
Ходил я к русским, ходил к литовцам,
Везде у меня зятя - родня.*²²

Эти песни важны для нас и как свидетельства русско-латышского языкового и культурного взаимовлияния соседей - собратьев и изредка - даже соратников в борьбе с немецкими крестоносцами.

Наряду с многочисленными корнями, общими для русского и латышского языков в силу их родства²³, существуют у латышей и такие слова, которые заимствованы у русских уже в седую старину (из них некоторые русские соотвественства утратили свое первоначальное значение, сохраненное в латышском языке, или совершенно исчезли из русского языка в той форме, в какой сохранились в латышском языке).

21) Спрогис И. Памятники латышского народного творчества, Вильна, 1868 г.

22) Справедливости ради, следует отметить, что в записях и публикациях латышского фольклора имеются и песни несколько иного содержания, где, например, оплакивается юноша, убитый во время набега русских. Но таких песен гораздо меньше по сравнению с приведенной выше. (Примечание редактора).

23) Исследователи исчисляют количество одних только общих корней цифрой 1600, кроме того, изрядное количество приставок, суффиксов.

К наиболее древним заимствованиям, восходящим к VI-VII веку нашей эры, латышский языковед Э.Блесс²⁴ относит: *kalps* (холоп), *solīt* (сулить), *kažoks* (кожух). К VIII-IX веку Э.Блесс относит: *tulks* (толк - толмач, переводчик), *tīrgus* (торг), *sods* (суд), *zābaks* (сапог). В X-XII веках в латышский язык вошла:

а) торговая лексика: *muita* (мѣто - таможня), *mērs* (мера), *podš* (пуд), *cena* (цена), *birkavs* (биркав), *bezmēns* (безмен), *rublis* (рубль), *kapeika* (копейка), *zelts* (золото), *sudrabs* (серебро), *pūrs* (пура);

б) религиозная лексика: *baznīca* (божница), *kristš* (крест), *kristīt* (крестить), *svēts* (свят), *svētīt* (святить), *svētki* (святки), *svece* (свеча), *grēks* (грех), *mokas* (муки), *gavēt* (говеть), *zvans* (колокол, от "звона" в значении колокола, ср. псковские звонницы), *zvanīt* (звонить), *nedēļa* (неделя), *gads* (год), сюда же относятся дословные переводы названий праздников: *Lieldienas* (Великдень - Пасха), названий дней недели: *otrdiena* (вторник), *ceturtdiena* (четверг);

в) общественно-политическая лексика, заимствованная в связи с формированием государственности у латышей: *valsts* (государство, от русского волость), *pagasts* (волость, от русского погост); классовые понятия: *bajārs* (боярин), *smirds* (смерд), *ubags* (убогий), *bagāts* (богатый), *cilvēks* (человек); военная лексика: *karogs* (хоругвь), *robeža* (рубеж), *zizlis* (жезл), *slava* (слава);

г) бытовая лексика: орудия производства - *lēmēšs* (лемех); помещения - *pagrabs* (погреб); пища - *ķīselis* (кисель), *pīrāgs* (пирог), *kāposti* (кануста), *rutki* (редька), *siers* (сыр), *gurķis* (огурец).

Заимствования были и обратные. В древнейшие времена русским языком из балтийских заимствованы деготь (*deguts*), ковш (*kauss*), янтарь (*dzintars*), толока (*talka*).

24) См. Латышский энциклопедический словарь "Konversācijas vārdnīca", том .X, Рига, 1933.

О распространении среди латышских племен православия свидетельствуют также данные археологии. Об этом свидетельствуют найденные в могилах позднего железного века украшения в виде христианских символов (крестики, образки св.Георгия или ангелов)²⁵. Л.Адамович в этой связи пишет: "уже до 1200 г. латыши ознакомились с жизнью христианской церкви через русских"²⁶. Возможно даже, что из среды латышских племен выходили и православные священники: так, по крайней мере, может быть истолкована несколько неясная подпись на напрестольном Евангелии, хранившемся в Румянцевском музее; она гласит: "Писахъ же книги сѣя азъ, Гюрги, сынъ поповъ, глаголенаго латыша, съ городища"²⁷. Но были ли в XIII веке или нет православные священники из латышей, несомненно, что православные церкви на территории Латвии уже существовали, именно в Ерсике²⁸, которая, кстати сказать, едва ли не древнейшее русское поселение в Латвии.

Несмотря на то, что при распространении православия ни о каком насильственном обращении не было и речи²⁹, ко времени появления немецких крестоносцев православие не успело укорениться среди летиголы, сели, ливи, было вытеснено католицизмом, но тем не менее оставив яркий след в языке всего латышского народа, письменные и вещественные памятники.

Когда в XIII веке началась борьба с немецкими завоевателями, то, как ни были заинтересованы русские в том, чтобы сохранить в своих руках пути к Балтийскому морю³⁰.

25) Иллюстрационный материал в "Katalog der Ausstellung Zum X archaologischen Kongress in Riga 1896", таблица XVIII, N 3, 4, 24, 25.

26) "Latvieši", Rakstu krājums. Id. Rīgā. 1930, 178. lpp.

27) См. Dreimanis P. Latvijas vēsture. Rīgā. 1924.

28) Г.Л. XIII, 4.

29) Г.Л. II, 5; XVI, 3.

30) Г.Л. XVI, 2; XIV, 9; XXVI, 1; договоры смоленского князя Мстислава 1229 года, полоцкого епископа Иакова 1298 года - о речной дороге по Западной Двине. Г.Л. XI, 7.

перевес в борьбе явно склонялся на сторону немецких завоевателей. Отрицательные стороны нарождающегося ливонского феодализма еще не давали себя знать, а внутренние распри русских князей сказались: до 1210 года сопротивление немецкому распространению и утверждению в крае оказывал один Полоцк со своими передовыми постами - бывшими вассальными княжествами на Двине. Порабощаемые летигола, сель, ливь частично помогали русским (в известной мере Эсты, Литва, Корсь), частично были на стороне завоевателей немцев (турайдский князь Каупо; ерсикий Висвалдис после того как стал вассалом Альберга; земигола, которым крестоносцы помогали бороться с литовцами)³¹.

Псков и Новгород вступают в борьбу позже (с 1210 года)³², когда вопрос о Ливонии-Латвии мог уже считаться решенным в пользу немецких крестоносцев, и война началась в Эстонии и за Эстонию (с 1210 г. по 1224 г.).

По сведениям Генриха Латыша раньше всех теряет свои придвинские владения Вячко-Ветсеке, вынужденный со своей русской дружиной оставить Куконос уже в 1208 году³³. В следующем году наступает очередь Всеволода-Висвалдиса Ерсицкого, который сохранил, однако, тень бывшей своей независимости до нового нападения крестоносцев в 1215 году³⁴. Что касается Полоцка, подручниками которого были Висвалдис и Ветсеке, то он находился в состоянии войны с немецкими крестоносцами с 1203 по 1210 год, когда был заключен мир с признанием верховных прав полоцкого князя на Ливонию; однако, уже в 1212 году в полной мере выразилось бессилие Полоцка, отказавшегося от своего суверенитета над Ливонией.

31) ГЛ. X, 3, 9, 12 (о ливах); XIX, 10 (об эстах); VII, 8; XII, 4; XVIII, 9 (о литовцах); XIV, 5 (о куришах); X, 3, 12; XVIII, 3, 4 (о летах); XII, 2; IX, 2-4; ср. X, 10; VI, 7 (о земгалах).

32) "С 1192 по 1210 г. мы не находим в летописных сказаниях ни одного похода новгородских и псковских русских в Остзейский край". - "Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии", Рига, 1893, вып.1, стр. 100.

33) ГЛ. XI, 9; ср. XII, 1.

34) ГЛ. XIII, 4; XVIII, 4, 9.

Правда, с мыслями о реванше "плотцеский король Вольдемар" не расставался еще в 1216 году, но его смерть - во время приготовлений к походу на крестоносцев в союзе с эстами - помешала осуществлению этих широких планов³⁵. Вряд ли, впрочем, из этого и могло что-нибудь серьезное выйти: время было упущено, а о внутренние раздоры могли разбиться самые отважные предприятия! Таким образом, 1216 год - год смерти полоцкого князя Владимира - приходится считать началом новой эры - неограниченного немецкого владычества в Латвии, этнографические границы которой в описываемый нами период, по компетентному отзыву Фр. Балода, проходили несколько западнее современной государственной границы³⁶. Эта узкая полоса земли, вошедшая в состав нынешней Латвийской Республики, была издревле занята русскими поселениями³⁷.

Латышско-русские территориальные, экономические и культурные взаимоотношения, о которых мы рассказали выше, давали повод впоследствии Ивану Грозному, Алексею Михайловичу, Петру I возобновлять свои претензии на владение Ливонией.

В наши дни эти связи становятся основой русско-латышских правовых и экономических отношений в независимой Латвии, уже нашедшей положительное решение в современном правосознании и отраженной в законодательстве Латвии.

35) О взаимодействиях Полоцка с немецкими крестоносцами см. Г.Л. VII, 7; X, 12; XIV, 9; XVI, 2; XIX, 10.

36) "Latvijas arhailogija", стр. 122.

37) Топонимика - названия местностей, особенно, водных поверхностей, свидетельствует об ином: древняя балто-славянская народность занимала территорию до Москвы - Можайска. После выделения балтийского пранарода он стал смещаться в северо-западном направлении, вытесняя к северу финские племена (Примечание редактора).

А.А.Поммер

учитель истории

1-ой городской гимназии г.Риги

РУССКИЕ В ЛАТВИИ

Исторический очерк. XIII-XIX века

В истории Латвии время с XIII столетия по 1561 год называется эпохой Ливонского государства, с 1561 по 1629 - польским периодом, а с 1629 по 1710 - шведским.

Во время существования Ливонского государства Латвией и латышами владели пришлые немецкие рыцари, католическое духовенство и отдельные ливские и латышские князья, перешедшие на сторону завоевателей-немцев и впоследствии онемечившиеся.

Ливонское государство в Латвии образовалось в результате крестовых походов в Ливонию немецких рыцарей-крестоносцев; походы эти были организованы Бременским архиепископом с благословения папы Иннокентия III и при содействии купцов немецких Ганзейских городов (Любека, Бремена, Гамбурга). Немецкие купцы стремились захватить в свои руки важнейшие торговые пути в Россию, в первую очередь по Даугаве-Двине и Гауе. При помощи католического духовенства, рыцарей-крестоносцев, нового рыцарского ордена "Меченосцев", а с 1237 года "Ливонского" ордена, в течение XIII столетия орден и епископы захватили всю территорию теперешних Латвии и Эстонии (за исключением 5 волостей бывшего Яунлатгальскбго, впоследствии Абренского уезда, вошедших в Псковское княжество) и создали Ливонское государство, центром которого с 1201 года

стал город Рига¹. Немцы-крестоносцы захватили не только территорию, населенную латышскими и эстонскими племенами, но и лишили Полоцких и Псковских князей доступа к Балтийскому морю. Обессиленные удельными междоусобицами, а также постоянными боевыми схватками с восточными соседями, сначала половцами, а с XIII века татаро-монголами, русские князья не смогли отстоять свои права на торговые пути к Балтийскому морю. Православие, постепенно распространявшееся в восточной Латвии, должно было отступить под напором немецких католических миссионеров, которые распространяли свою религию огнем и мечом. При чтении западных хроник складывается впечатление, что немецкие завоеватели изгнали русских из Латвии и надолго разобидели два родственных и соседних народа - русских и латышей. Но те же хроники дают, правда, скудные сведения о том, что немецкие владетели еще в период завоевания Латвии, то есть в XIII веке, старались с одной стороны, признавать Полоцких князей своими сюзеренами, а с другой - не прекращать торговых сношений с русскими городами. Первый торговый договор с русскими был заключен в 1210 году, когда по сведениям хроники Генриха-Латыша, рижане отправили послов к Полоцкому князю. - "Послан был Арнольд, брат воинства Христова, со своими товарищами ко князю Полоцкому с тем, чтобы этот последний заключил мир и открыл рижским купцам свободный путь в свою землю..." И в другом месте: "Вместе в ними он Полоцкий князь. - А.П. отправил Лудольфа из Смоленска, мужа благоразумного и очень богатого. Когда все они пришли в Ригу и передали волю князя, то рижанам понравились предложенные условия"².

1) Рига не была первым оплотом господства немецких завоевателей. В 1186 году епископ Мейнгард построил каменную церковь и крепость в Икшкиле. В 1188 году папа утвердил Ливонскую епископию с центром в Икшкиле. Основатель Риги и ордена "Меченосцев" епископ Альберт был третьим епископом Ливонии. (Примечание редактора).

2) Хроника Генриха-Латыша (далее Г.Л.).

Несмотря на то, что немцы старались искоренить в Ливонии русскую власть и православную веру, они добивались торговых сношений с Полоцком, Витебском и Смоленском³. Таким образом, если политические связи рушились, то торговые не только поддерживались, но и развивались. Следует учесть, что купцов обычно сопровождали духовные лица, своею грамотностью и советом помогавшие купцам совершать сделки, а также переводчики, без которых никакие торговые сношения не могли состояться. Переводчики упоминаются в грамотах, начиная с 1189 года. Они пользовались большим почетом и уважением и юридически приравнялись к духовным лицам⁴. За свою деятельность ливонские переводчики получали хорошее вознаграждение (в виде ленных поместий), а в случае плохого перевода строго наказывались⁵. В Ливонии переводчиками были преимущественно немцы, но в отдельных случаях и представители латышских племен. Так, в дарственной грамоте Курлянского епископа Генриха упоминается переводчик Claus Cure⁶. Это имя следует понимать так: переводчик по имени Клаус был куршем по национальности. Лишь с XV века среди переводчиков упоминаются русские, обучавшиеся немецкому и латинскому языку либо в Ливонии, либо в Ростове⁷. Небезынтересно отметить, что в результате торговых действий и в немецкие официальные документы проникают русские слова: *clet* (клеть), *mesnik* (наместник), *possul* (подарок), *tolk* (толмач), *prestav* (пристав), *pogrebbe* (погреб), *posulnyck* (судебный исполнитель), *sukladenik* (член сообщества)⁸.

3) О торговых сношениях между названными русскими городами подробно говорит Н.Бережков в статье "О торговле русских с Ригию в XIII и XIV веках". - "Журнал Министерства Народного Просвещения", 1877, с. 330.

4) См. Goetz L. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lubeck, 1922. с.380-381.

5) Там же.

6) Там же, с. 392.

7) Там же, с. 436.

8) Там же, с. 402.

Обучение переводчиков-немцев (и латышей?) русскому языку регламентировалось договором 1268 года. Обучение происходило обычно в Пскове или Новгороде в индивидуальном порядке. Учитель писал и произносил отобранные для обучения слова и фразы. Ученик по нескольку раз их произносил и записывал. Известен один случай обучения немца русскому и эстонскому языку в Дерпте в 1440 году. Известны даже имена учителей¹⁰.

Знание русского языка, его изучение, деятельность переводчиков были привилегией членов Ганзейского Союза. Чтобы получить право изучать русский язык, надо было доказать свое свободное происхождение и принадлежность к Ганзейскому Союзу. Этот закон подтверждался на всех совещаниях ганзейских городов Ливонии, слушников ожидала жестокая кара¹¹.

Торговый договор Риги со Смоленском 1229 года говорит о том, что немецкие купцы имели в Смоленске свои дворы и церковь Св.Мариин. Обыкновенно договаривающиеся стороны добивались одинаковых условий, поэтому следует предположить, что и русские купцы, торговавшие в Риге, имели здесь свои дворы и свою церковь. Это предположение подтверждается Долговой Книгой Риги (охватывающей время от 1286 по 1352 год). Исследователь этого вопроса М.Бережков говорит: "Число записей, специально относящихся до русских, которые являются должниками и

9) Goetz L. Deutsch-Russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1922. с. 436.

10) Stieda W. Zur Sprachkenntniss der Hanseaten. Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 1884. Bd.V. Leipzig 1888, с.158.

Во II половине XX века стали известны учебные пособия-разговорники, составленные в XVI-XVII веках псковскими педагогами специально для обучения русскому языку немцев. См. Алексеев М.П. "Книга русского языка" Т.Шпрове, 1546 г. и ее автор. "Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880-1944)". Ленинград, 1951, с. 103; Король Т.В. Тоннис Фенне и его словарь-разговорник. Известия Академии Наук Латв.ССР. 1984, N 9, с.106-117. (Примечания редактора).

11) Goetz L. Handelsgeschichte, с.423.

кредиторами, имеющими дела с рижскими купцами и между собою, простирается слишком до трехсот, что составляет около 16% всего количества внесенных в Книгу записей"¹². Русские составляли в Риге значительную колонию, населяя целую улицу, имея там свою церковь и торговый двор... Несколько русских, как Афрем, Семен, Тимофей, Петр, Дмитрий и Яким Скорняк являются в Риге владельцами недвижимого имущества - земли и домов"¹³. "Вероятно к гражданам же принадлежат богатые кредиторы Степан с сыном Ксенофонтом и Кузьма, а также крупные торговцы Иван и его тезка"¹⁴.

В статье упоминаются еще: "Яков Бобр из Полоцка, Добрый, Сиделый (Sedil), Кондрат, Сидор и Лукавый из Пскова, Иван из Режицы, Фома из Иксюля, Андрей из Кукенойса" (Кокнесе)¹⁵. "Не редки случаи, когда русские ведут свои дела в товариществе с латышами, ливами и немцами, с последними всего реже"¹⁶.

Эти выдержки свидетельствуют о том, что не только в Риге, но и в других центрах Ливонии были русские торговые колонии.

В торговом отношении эти русские колонисты выигрывали очень много. Они были самыми удобными посредниками между своими сородичами в России и ливонскими немцами и, как местные граждане, пользовались правами местных граждан. Рига усиленно стремилась захватить в свои руки монополию торговли с Россией. Рижане не позволяли плавать по Двине своим сородичам - не ганзейцам, но и русских они не пропускали мимо Риги в море. Поэтому, местные русские купцы находились в наиболее выгодных условиях по сравнению с приезжими купцами из России.

12) Бережков М. Упом. работа, с. 350.

13) Там же, с. 350.

14) Там же, с. 351.

15) Там же, с. 351.

16) Там же, с. 353.

М.Бережков находит, что Рига торговала главным образом с русскими городами, находившимися в районе великого водного пути по Двине. Имеются сведения, указывающие на то, что Рига по Двине имела сношения даже с Суздальской землей. Немцы снабжали русских сукнами, полотнами и солью, а русские доставляли немцам воск, медь, меха.

Русские колонии в Ливонии, а особенно в Риге, окрепли и расширились в XIV и XV веках. Г.Трусман¹⁷ приводит данные из рижского Denkelbok'a, охватывающего время с 1440 по 1480 год. Здесь под 1444 годом упоминается, что в Риге было русское кладбище, близ которого находилась русская церковь св.Николая и конвент при ней. Конвентом назывались тогда госпитали или богадельни. Русский поселок в Риге местная наследственная книга (Erbenbuch) называет. "das Russische Dorf", то есть русская деревня; она находилась в северной части города около Песочных ворот, в районе нынешней Шумной улицы. Русская церковь св.Николая состояла в ведении Полоцкого и Витебского архиепископа и получала от него священников. "По крайней мере, зависимость эта достоверно известна в I-ой половине XVI¹⁸ века Рига была главным торговым центром в Ливонии. Она поддерживала торговые сношения с русскими городами бассейна Двины, то есть с Полоцком, Витебском, Смоленском. Когда в XIV веке Полоцк и Витебск были присоединены к Литовско-Русскому государству, главная торговая контора оказалась в Полоцке. Поэтому, главными русскими купцами в Риге были полочане. Сношения Риги с Новгородом были менее оживлены, так как новгородские купцы торговали преимущественно с Ревелем (русская Колывань). Чаше Рига сносилась с Псковом. По данным К.Меттига¹⁹, передовы-

17) Трусман Г. "Введение христианства в Лифляндию". Спб. 1884.

18) Там же, с.282

19) Mettig C. Baltische Stadte. Skizzen aus der Geschichte Liv-, Est-, und Kurlands. Riga. 1905.

ми постами в торговле Риги со Псковом были ливонские города Юрьев (Dorpat), Лучин (Люцин, Лужа) и Резница (Режица), а на двинском пути в направлении Полоцка был Двинск (Dunaburg). Во всех этих пунктах были русские дворы. На торговом пути Рига-Псков важное место занимал Венден, резиденция магистра Ливонского ордена (старое русское название, зафиксированное в Летописях и в Истории Государства Российского Н.Карамзина - Кесь, из которого по законам смягчения согласных перед гласными переднего ряда, превратилась в Cēsis). В конце XIII века там существовали "русские ворота". В 1479 году торговые люди Новгорода и Пскова имели в Вендене (Цесисе) склад товаров, причем, этот склад охранялся русскими. В XVI веке от Вендена чрез Мариенбург (Алист, Alüksne) шла самостоятельная торговая дорога на Псков, минуя дорогу на Юрьев (Дерпт).

Таким образом, можно установить, что в течение трех веков (XIII-XV) ливонские города и даже Ливонский орден вели оживленную торговлю с русскими городами, преимущественно с Полоцком, Псковом, Новгородом, и что в ливонских городах - Риге, Вендене, Люцине, Режице, Двинске были русские дворы, в которых жили русские торговые люди и их слуги, а также переводчики. Жили в этих дворах не только приезжие русские люди, но также и постоянные жители-колонисты, духовные нужды которых удовлетворяло русское духовенство. Жить среди нетерпимо настроенных немцев-католиков было рискованно и опасно. Частые военные набеги немцев на русские пограничные земли и города, а особенно на Псков, вызывали ответные набеги русских. Во время таких набегов сильно страдали русские дворы в Ливонии. Отношения между русскими и ливонскими немцами особенно испортились, когда к границам Ливонии придвинулось Московское государство, когда московский великий князь Иоанн III в 1478 году присоединил к своему государству Великий Новгород. Положение русских в Ливонии стало особенно опасным после

походов Иоанна III в Ливонию в 1481 и 1501-1502 годах.

Л.Арбузов²⁰ отмечает: "Русские купцы, арестованные в Риге и Ревеле в 1494 г., были отпущены в 1496 г."..."В 1514 году образовалось в Новгороде нечто подобное прежнему двору Св.Петра, но оно не достигло никакого значения. Немецкая торговля в Новгороде прекратилась навсегда". Положение русских в Ливонии в это время хорошо характеризует ответ новгородских наместников немецким послам (1503 год) о возобновлении торговых сношений "по старому доброму уставу".

Условия для начала мирных переговоров в грамоте обозначены следующим образом: "Коли магистр и арцибискуп и юрьевский бискуп и бискупы и вся земля Ливонская и семьдесят городов и три, Государей наших, царей русских, вотчин новгородских и псковских послам и купцов товар их весь поотдают, и Государей наших людей головы побитые поплатят, а которые Государей наших попали им в руки тех всех отпустят, и церкви Божие греческого закона и русские концы и палаты всех очистят"²¹.

Договор был заключен в 1514 году, но он не возобновил былых торговых сношений между русскими Московского государства и ливонцами-немцами. Ливонцы продолжали по-прежнему торговать с городами придвинскими (Полоцком), которые находились под властью Литвы - Польши.

В 1521 началось в Ливонии распространение учения М.Лютера; оно коснулось и русских в том отношении, что, по свидетельству Фабриция²², "приверженцы реформации сожгли русские церкви в Риге, Ревеле, Дерпте и других городах". Это произошло во время иконоборческих волнений, которые в Риге, например, происходили в 1522 году.

20) Арбузов Л. "Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии". Рига. 1912. с. 115.

21) "Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии". Рига. 1893. Вып. I, с. 149.

22) Fabricius Dionysius. Drei kleine Schriften uber die Geschichte Livlands. Riga. 1897.

После походов Иоанна III (1481, 1501 и 1502 годов) отношения ливонских властителей и Московского государства в политическом отношении обострились. С.М.Соловьев в своей Истории²³ приводит факты, которые свидетельствуют о препятствиях, чинимых Ливонскими властями пропуску мастеровых и специалистов в Россию. На старания Василия III защитить интересы русских в Ливонии немецкие власти обращали мало внимания. В 1558 году Иоанн IV Грозный решил захватить всю Ливонию (по его словам "вернуть себе свою вотчину") и довести границы своего государства до берегов Балтийского моря. Началась Ливонская война, которая длилась 24 года (1558-1582 годы). В первый же год 40-тысячное войско московского царя (в нем наряду с московскими стрельцами и новгородской "вольницей" были казанские и астраханские татары, мордва, черемисы, кавказские черкесы) вступило в пределы Ливонии. Пестрое это войско нигде не встретило сопротивления. Как писал Н.Карамзин, ливонские рыцари и епископские вассалы давно забыли о военных успехах своих предков, погрязли в неге и роскоши и не способны были сопротивляться. Войско грозного царя за короткое время прошло по Ливонии свыше 200 верст и взяло свыше 20 городов. Войско опустошало на своем пути все. Непокорных военачальников по приказу царя "сажали на кол", мирное население - и немцев, и латышей "продавали в рабство татарам". С добычей и пленными войско вернулось в Россию. Такие демонстрации военной силы совершались и в течение последующих годов. Некоторые воеводы так увлекались "экспроприацией" имущества мирного населения, что подвергали таким экзекуциям и пограничные с Ливонией псковские земли. Одрахлевшая феодальная Ливония развалилась уже в 1561 году. Ливонцы обратились за помощью к Польше, Швеции и Дании. Польша и Швеция начали воевать с Грозным, который в

23) Соловьев С.М. "История России с древнейших времен". VI том. М., 1867.

1577 году сам лично явился в Ливонию. В 1582 году война для россиян окончилась неудачно. Грозный своей цели не достиг - не укрепился на берегах Балтийского моря. В глазах местного населения эта война поселила к русским враждебные чувства, латышей в Ливонии после войны осталась всего лишь одна треть.

Грозного немцы называли "Schrecklicher", а латыши - "Briesmīgais" ("Ужасный"). Правда, не для всех русских Иоанн IV оставался только "Грозным" царем. Н.М.Карамзин в "Истории Государства Российского" не скупится на рассказ о кровавых расправах Иоанна в Ливонии, но в то же время рассказывает и о его богословских диспутах с местными лютеранскими пасторами²⁴.

Отношение Польши - с 1582 года сюзерена и верховного покровителя Ливонии - с Московским государством было враждебным, что сказалось на торговых контактах ливонцев с Новгородом и Псковом. Эти связи почти прекратились. Торговля продолжалась только с белорусскими городами, которые находились во власти Польши. В польский период в Двинске и в районе теперешнего Якобштадта и Илуксте жили русские униаты²⁵. В XVII веке в пограничных с Русью польских регионах размещаются беглецы, вынужденные по религиозным причинам покинуть свою родину - стригольники и "жидовствующие" (ариане). Об их численности, местах расселения не сохранилось более конкретных сведений. В XVII веке они слились с новыми потоками беглецов - раскольников.

В XVII веке местные политические обстоятельства снова изменились: Лифляндия, Эстляндия и Рига попали

24) Карамзин Н.М. "История Государства Российского". Том IX, глава VII.

Попытку восстановить доброе имя Ивана IV, представить его как мудрого правителя, который собирается принести ливонцам (в том числе и латышам) мир и благоденствие, сделал А.Н. Толстой в сценарии кинофильма "Иоанн Четвертый". Однако, эта попытка успехом не увенчалась. (Примечание редактора).

25) См. "Рижский Вестник", 1877, N 54.

под власть шведского короля. Латгалия оставалась под властью Польши, Курляндский герцог стал вассалом польского короля.

Положение русских в этих различных государствах было неодинаковым и в какой-то мере зависело от отношения к этим государствам Московского царства.

Вражда Польского государства с Московским царством не ограничивалась "польской агрессией" в годы "смутного времени" начала XVII века, отрицательно сказавшейся на русско-лифляндской торговле. Пределов Латвии более непосредственно коснулась война царя Алексея Михайловича с Польшей и Швецией (1654-1661 годы). Русское войско дошло до Риги, но взять ее не смогло. (Русский народ на эту тему сложил даже историческую песню "Осада Риги"). Дольше русское войско продержалось в Латгалии, где Алексей Михайлович успел в 1656 году основать церковь во имя святых Бориса и Глеба (существующую и поныне) и переименовать Дюнабург в Борисоглебск (Кокнесе в это же время было переименовано в Царевич-Дмитрий град).

Хотя Алексею Михайловичу не удалось укрепиться в Прибалтике, его царствование оказалось отмеченным существенным увеличением количества русских в Латгалии.

Во-первых, это были старообрядцы, бежавшие от преследований антихристового войска - никониан. В 60-х и 70-х годах XVII столетия польские власти не только дозволили беглецам селиться в пограничных с Россией землях, но и предоставили им различные льготы. Так, в течение первых трех лет иммигранты освобождались от барщины и оброка и лишь затем вписывались в местные мызы как крепостные крестьяне. С Валдайских возвышенностей и из Тверской области старообрядцы пробрались в теперешние Двинский, Режицкий, Люценский и Илукстский уезды. Пришельцы были крестьяне; они поселились в деревнях. Перенесенное гонение за веру обособило их от местных латгальцев - латышей, которые были усердными католиками. Старания католиков обратить пришельцев в униатство

не имело значительных результатов. Несмотря на то, что эти русские колонисты жили среди латышей и поляков (ополяченных белорусов и обелорусившихся латгальцев), старообрядцы стойко отстояли и отстаивают свою веру и народность²⁶. После присоединения к России Латгалии и Риги наиболее зажиточные старообрядцы становятся купцами и фабрикантами, переселяются в города - Режицу, Двинск, Ригу.

Экономические льготы, предоставленные гонимым за веру русским людям в Польском королевстве - Латгалии быстро распространились на соседних русских и белорусских землях и на новую родину начинают переселяться и православные русские, и белорусы, которые приобретали такие же привилегии. Латгальские помещики были кровно заинтересованы заселить опустошенные войнами и связанными с ними эпидемиями земли.

Курляндский герцог Яков (1642-1682) разрешил русским колонистам из России и Польши селиться вдоль левого берега Двины в районе теперешнего Якобштадта (Jēkabpils) и позволил основать в этом городе братство святого Николая - монастырь и церковь. Русские жители Якобштадта были люди торговые и знатоки руслу Двины: они были хорошими лоцманами для плотов и стругов. Православным людям указанных мест пришлось много претерпеть от иезуитов и униатов. В XVIII веке большинство русских жителей Якобштадта были униаты²⁷.

26) Об иммиграции, расселении, быте старообрядцев см.: Синицын М. "Страничка из истории режичкой кладбищенской староверской общины". "Родная старина". Рига, 1927, пробный номер, с. 13;

Волович А. "История староверия в бывшем прибалтийском крае". Там же, с. 10-11;

"Староверцы в Латвии. Старообрядческая летопись" - "Родная старина", N 4, Рига, 1928, с. 31;

Б.Р.Брежго в своей книге "Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии" (Рига, 1956) называет точные цифры иммиграции русских в Латгалию в XVII-XVIII веках. (Примечание редактора).

27) См. "Рижский Вестник", 1871, N 49; 1877, N 54; 1878, N 213; 1885, N 40; 1886, N 40.

В конце XVIII века в Курляндии оказалось довольно значительное число русских переселенцев.

В 1783 году царским правительством был послан войсковой отряд в Курляндию для ареста и возвращения в Россию беглых крестьян. В Оберланде (Восточная Курляндия) "найдено разного рода России принадлежащих беглых людей, жительствоющих своими домами 4514 душ (от Якобштадта и Крейцбурга до Варнович, неподалеку от литовского местечка Друи). В Семигалии (Земгале) жили целыми деревнями в столь значительном числе, что арестовать их не было никакой возможности. В Западной Курляндии было обнаружено и арестовано: в Тукуме - 22, Кулдиге - 39, Либаве - 26, в Пильтекском округе - 150."²⁸

В Риге и во всей Лифляндии шведы искоренили все русское. Дворы и церкви русских купцов в Риге и других Лифляндских городах были уничтожены. Шведско-польские войны прервали также связи Риги с русскими придвинскими городами.

Правды ради, следует отметить, что, несмотря на враждебное отношение шведского правительства к Московскому государству, Карл XI обещает Алуксненскому пастору Эрнесту Глюку денежные средства для издания "в политических целях" учебников для русских раскольников, проживающих на территории бывшей Ливонии. Печатание этих учебников не осуществилось из-за смерти короля²⁹.

Победы Петра I над шведами во время Северной войны (1700-1721 гг.) утвердили русское господство в Риге, Лифляндии и Эстонии.

С 1772 года к России после первого раздела Польши отошла Латгалия, а в 1795 году после третьего раздела и Курляндия. Несмотря на то, что Остзейский край стал составной частью Российской империи, русское население

28) "Русские беглые люди в Курляндии в 1783 году" : "Рижский Вестник", 1869, N 17, 18, 20; 1871, N 121; 1876, N 192.

29) Beitrage zur Kenntniss Russlands und Seiner Geschichte. Hrsg. v. G. Ewers und H. von Engelhardt. Dorpat. 1818. Bd. I. H.2.

здесь по-прежнему оставалась как непривилегированная нация. Петр I был прежде всего заинтересован в лояльности, в верноподданничестве остзейских помещиков, поэтому поспешил подтвердить их социальные и национальные привилегии, которыми они владели в Ливонии до ее распада. Петр довольствовался политической верховной властью над краем. Интересы местного коренного населения (преимущественно, крепостных крестьян)³⁰, а заодно и русских, которые также в большинстве своем принадлежали к крестьянам, не могли привлечь внимание царя, который и в своей России не очень заботился об улучшении положения "податных сословий"³¹.

Что касается русского населения, то в Риге после завершения Северной войны не оказалось ни русских купцов, ни православных церквей (такое положение сложилось в результате антирусской политики шведского правительства).

В 1711 году царем было дозволено русским купцам и ремесленникам селиться в Риге и в других местах Лифляндии³². Этим воспользовались предприимчивые русские люди. Несмотря на противодействия Рижского магистрата, снова стали появляться русские дворы в предместьях Риги, а особенно на теперешнем Московском предместье. Попасть на жительство в центр Риги (теперь Старый город) русским было почти невозможно. Только замок был занят русскими учреждениями, а войска обосновались в цитадели. Местожительства русских в Риге можно установить по расположению церквей. В замке была сооружена Успенская церковь для нужд высших чинов: генерал-губернатора, гу-

30) См. "Сборник материалов и статей по Истории Прибалтийского края". Рига, 1879, с. 466-477.

31) Видный историк наших дней Г.Строд в последней своей статье "Trīsmelnie ērgļi un Latvija" в журнале "Latvijas vēsture", 1991, N 2, начисто отрицает популярную в советской истории концепцию о, якобы, положительном значении присоединения Прибалтики к Российской империи (Примечание редактора).

32) "Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии". Рига, 1893, с. 170.

бернатора, фискала и их чиновников. В цитадели находились деревянная Петро-Павловская церковь, а с 1785 года - каменная в том виде, в каком теперь мы ее видим. В 1786 году она была преобразована в собор. По приказу Петра I восстановлена была шведская гарнизонная кирха св.Магдалены и переименована в церковь св.Алексея; она была украшена потом губернатором князем А.Долгоруким. Для нужд русских купцов была построена Благовещенская единоверческая церковь, которая и теперь находится на том же месте. Около этой церкви расположился русский рынок и склады товаров русских купцов (красные амбары, сохранившиеся до наших дней). О числе русских в Риге и вообще в Лифляндии нет определенных сведений³³. Интересы России в Остзейском крае защищал генерал-губернатор со своим штатом и достаточное количество русских войск.

Петр I заботился не только о военном укреплении Риги. В круг его забот входило и содержание дорог и конной почты, ибо через Ригу и Лифляндию поддерживалось усиленное сообщение с "Западом". Проезжали путешественники и провозились товары из Риги на Псков и далее в Петербург (среди первых путешественников за границу был А.Радищев, Г.Державин, Н.Карамзин, позднее В.Кюхельбекер, В.Жуковский).

В награду за успешное руководство войсками при завоевании Риги и Лифляндии Петр I наградил графа Б.Шереметева именем Пиебалга³⁴. Новый владелец пополнил поредевшее от войны население русскими гвардейцами³⁵,

33) Некоторые данные приводятся в "Рижском Вестнике", 1869, N 29; 1901, NN 114, 120.

34) Skujenieks M. "Latvija". Rīga, 1927, с. 299

35) По другим сведениям крепостными из своих Ярославских поместий. См. "Рижский Вестник", 1888, N 168, 177. Личность Петра I, хотя и не принесла латышским крестьянам ни социальных, ни национальных облегчений их участи, все же отразилась в латышском фольклоре, в сказках и преданиях. См. "Рижский Вестник", 1883, N 55.

которые в скором времени слились с латышскими старожилами. Пресмники Петра I раздавали и другие имения русским вельможам. Когда в 1711 году Петр I выдал свою племянницу Анну Иоанновну (с 1730 года российская императрица) замуж за герцога Курляндского Фридриха, то с нею отправилась в Митаву и ее русская свита, и в этом городе образовалась небольшая русская колония³⁶. Русские пользовались сухопутной дорогой из Риги через Митаву и Курляндию в Кенигсберг, и дальше в Пруссию, Германию, Францию. Русские проездом бывали и в Курляндии. В Митаве были построены православные церкви. В Митаве этих лет побывали молодой Радищев и престарелый Фонвизин и Карамзин.

Пресмники Петра I по отношению к Риге и Лифляндии придерживались политики завоевателя, то есть строго соблюдали основы дарованной Петром I местной (немецкой) автономии. На протяжении всего XVIII века этот край фактически управлялся местными остзейскими властями по их законам и обычаям, их учреждениями; их же судам было подведомственно и местное население. Досадным вторжением в местную жизнь показалось требование генерал-губернатора Броуна в 1765 году об улучшении положения крестьян, обращенных тогда остзейскими помещиками в рабское состояние, по признанию юристов мало чем отличающегося от римского рабства. Для успокоения Броуна и императрицы Екатерины остзейский ландтаг высказал по этому поводу такие свои соображения: "Хотя крепостное состояние латышей и основано на естественном духе их; хотя все, чем крестьянин владеет, и есть неотъемлемая собственность его помещика, тем не менее рыцарство объявляет, что приобретенные крестьянином скот, деньги и хлеб остаются собственностью его, крестьянина,

36) См. также "Переселение купцов при Екатерине из Ярославля, Твери, Смоленска". "Рижский Вестник", 1870, N 79.

если только он ничего не должен помещику...³⁷.

В действительности же все оставалось по-старому, но до крестьян дошла молва, что Екатерина II хотела улучшить их положение. Российская царица и ее преемники приобрели популярность среди крестьян, чему немало содействовала и деятельность так же весьма популярного среди нарождающейся латышской интеллигенции Гарлиба Меркеля. На русских царей латыши стали смотреть как на друзей народа. Русским чиновникам народ верил. Такое убеждение народа укоренилось после реформ, проведенных Александром I - издания аграрных законов 1804 года, освобождения от крепостной зависимости лифляндских крестьян в 1819 году, курляндских - в 1817 году. В то, что они освобождены без земли, крестьяне начинали верить только после того, когда об этом им сообщали русские чиновники.

О числе русских в пределах Латвии в начале XIX века (данные 1800 года) имеются скудные данные. В Риге числилось уже 8643 русских, во всей Лифляндии - 16290, а в Курляндии только 836³⁸. Большинство русских по занятиям были рабочие, ремесленники и торговцы. (Среди них большой популярностью пользовались русские огородники, плотники, плотогоны - по Двине, офени).

В конце XVIII века на поселение в Лифляндскую губернию были сосланы пугачевцы, количество которых неизвестно. Русских чиновников тогда было мало, ибо страна по-прежнему управлялась немцами и немецкими учреждениями. Тем не менее, указанные числа свидетельствуют о сильном приросте русских в Риге и в Лифляндии (особенно, если вспомнить, что к концу шведского владычества их там не было совершенно). В 1800 году в Риге было уже 8 православных церквей.

Что касается прав и обязанностей русских горожан

37) "Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края". т.II. Рига, 1879, с. 589-590.

38) "Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии". Вып.I, Рига, 1893, с. 187. Военные в указанное число не входят.

Лифляндии и Курляндии (в том числе и в Риге), то первые были весьма ограничены. Русским купцам и ремесленникам (так же как латышам) было почти невозможно проникнуть в привилегированные немецкие гильдии. Официальным языком был один только немецкий (за исключением отношений с генерал-губернаторством, где допускался также русский язык). По началу русские люди (так же как и латыши) образование должны были получать на немецком языке. Но и впоследствии, когда стали создаваться русские школы, они были менее престижными, чем немецкие. Русские театральные представления заезжими труппами давались весьма редко. Первые газеты появляются уже в 1816 году, но ежедневные газеты начинают выходить лишь во 2-ой половине XIX века ("Рижский Вестник" с 1869 года). В быту русские (так же как и латыши) также подчинялись немецким обычаям.

В 20-40 годы XIX века в Ливонии, особенно в ее городах, и, прежде всего, Риге, наблюдается наплыв мурзиков, плотников, гончаров, которые работали вне всяких цеховых объединений в городских предместьях на различных мелких стройках. В эти же и последующие годы наблюдается распространение по всей территории Латвии русских рыбаков не только из Латгалии, но и соседних белорусских и российских губерний. Они занимались не только рыбной ловлей, но и плетением сетей, чему учили и местных латышей. В Латвии распространяются не только типичные для русских типы сетей и других рыболовецких приспособлений, но и их русские названия.

Приток русских в пределы нынешней Латвии ожил в сороковых годах прошлого столетия, когда среди крестьян-латышей и эстонцев распространилось стремление переходить в православие - веру Царя и русского народа. Таким образом латышские крестьяне надеялись ограничить произвол остзейских помещиков, улучшить свое правовое и экономическое положение. Остзейская же администрация усмотрела в действиях латыш-

ских крестьян подстрекательство православного духовенства. Хотя в конце концов массовый переход в православие латышской остзейским властям удалось пресечь, все же 40000 латышской стали православными. В Риге в 1847 году было открыто духовное училище, в 1850 году организована Рижская епархия, а в 1851 году - Рижская духовная семинария. Влиятельные царские чиновники, общественность славянофильского и панславистского толка, "младолатыши" - латышская радикальная националистическая интеллигенция единым блоком выступают за сближение Остзейского края с Российской империей³⁹. О крепнущих симпатиях к русским среди латышской Н.Лейсман⁴⁰ писал: "Случится ли ехать в город за русским извозчиком - просто благодать. Случится ли какое несчастье на дороге - свалится ли воз, - все останавливаются и идут на помощь, чего латыши для латыша почти не сделают". Не менее добрыми и ласковыми оказались и другие русские: торговцы, держатели постоялых дворов и т.д., которых латыши нередко расспрашивали про их жизнь-бытьё, про веру, про святых и их чудесах и т.д. О русских, как о добрых людях и их благосостоянии, эстам и латышам говорили и отставные солдаты, как авторитетные в этом отношении люди (военная служба тогда длилась 25 лет. - А.П.). Вследствие всего этого в сознании латышской и эстов невольно зарождались симпатии к русской земле и к русскому народу. Они нередко стали поговаривать между собой, что "русский народ - хороший, лучший из всех".

В сознании латышской сохранилось представление, что реформы 1849 года, которые дали латышам возможность приобретать в собственность землю, осуществлены русскими. Такое же представление сложилось о реформах 60-х годов. Благодаря помощи русских, Кр.Валдемар в 1862 году получил возможность издавать первую латышскую, независимую от остзейских помещиков, газету "Pēterburgas Avīzes", став-

39) Вспомним "Окраины России" Юрия Самарина, многочисленные статьи Кр.Валдемара и других младолатышей в газетах М.Каткова и Ив.Аксакова.

40) Лейсман Н. "Судьба православия в Лифляндии". Рига, 1910. Об этом также в воспоминаниях Индр. Страумите (И.Лийца) в книге Ю.Самарина "Окраины России", т. VIII, Москва, 1889.

шей знаменательной вехой на пути латышской к свободе и независимости. При помощи генерал-губернатора Альбединского было открыто первое латышское общество в Риге в 1868 году.

Гонимые остзейскими властями деятели латышского национального пробуждения А.Спагис и А.Биезбардис, благодаря заступничеству профессора Петербургского университета Вл.Ламанского, его выступлений в славянофильской печати, были освобождены из ссылки. При посредстве того же Вл.Ламанского Кр.Валдемар был принят действительным членом в Императорское Географическое общество, которое в 1866 году начало осуществлять программу систематического собирания и издания материалов латышского фольклора, которое в 70-80-е годы было продолжено в Москве в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии и в 90-е годы - начале XX века завершено изданием Императорской Академией Наук в Петербурге многотомного издания латышских народных песен (знаменитый сборник Кришьяна Барона).

Тогда, в 1867 году, остзейскому дворянству и петербургской немецкой придворной камарильи удалось добиться приостановления издания газеты "Pēterburgas Avīzes" и возбудить против издателей уголовное дело. Кр.Валдемар вынужден был искать защиту в Москве, где и нашел ее в редакции "Московских Ведомостей" у знаменитого М.Каткова.

Перечисленные события не могли не усиливать симпатий латышской к русским и основанных на них симпатий к русскому народу, православному духовенству, царскому правительству. Усиление изучения русского языка в школах, употребление в судопроизводстве, во всей системе местного самоуправления вызвали отпор со стороны остзейских властей-лантагов и городских муниципалитетов. Пасторы с церковных кафедр, бароны в волостных управлениях, судах, школьных и церковных конвентах повели яростную атаку на введение русского языка в судебное и волостное делопроизводство, на усиление его преподавания в школах. Тем не менее, в 70-х годах создается ряд школ с русским языком

преподавания (Александровская гимназия в Риге, учительская семинария в Кулдиге; кое-где возникают пока еще единичные министерские школы). Тем не менее, семьи некоторых русских купцов и ремесленников в Риге и других городах онемечивались. Появляются даже немецкие литераторы и ученые, писатели и журналисты, историки с русскими фамилиями (Андреяновы, Арбузовы).

Прирост русского и белорусского населения в городских и сельских местностях Латвии усилился в 70-80-е годы. Это связано, прежде всего, с реформами 60-х годов, предоставившими всем слоям населения, в том числе, крестьянам и ремесленникам ("податным сословиям") право свободно перемещаться по всей России. Этим воспользовались прежде всего предприимчивые латгальские староверы, которые теперь начинают отправляться на заработки в Лифляндию и Курляндию, в том числе и в крупные города и прежде всего в Ригу⁴¹. К ним присоединяются и уроженцы соседних губерний. Современники сообщают, что в эти годы в Латвии можно было встретить русских и белорусских кирпичников из Витебской и Ковенской губерний, землекопов из Режицкого и Люцинского уездов, рыболовов из Тверской и Новгородской губерний, коновалов из Новоладожского уезда Петербургской губернии, копорников из Копорья Новгородской губернии, ходябциков-офенц из Пскова, яблочников, камешников, шилыщников из разных мест⁴². По-прежнему постоянными посетителями (или жителями) Якобштадта и других селений на Двине оставались плотогоны и "струговые рабочие"⁴³. Всех этих русских и белорусских людей, говорящих на своих диалектах, местные старожили называли особыми именами: мухобродами⁴⁴, ягутками (переселенцы из Смоленска)⁴⁵.

41) "Русские колонисты-старообрядцы в Риге". "Рижский Вестник", 1869, с. 63; "О рижских старообрядцах". "Рижский Вестник", 1871, с. 162-173, 179.

42) "Русские перелетные гости". "Рижский Вестник", 1879, с. 219.

43) Об их быте см. "Рижский Вестник", 1874, с. 161; 1884, с. 95.

44) "Рижский Вестник", 1880, с. 267.

45) "Рижский Вестник", 1884, 73, с. 82.

Прирост русского населения в Лифляндской и Курляндской губерниях связан с развитием капиталистических отношений, промышленности, транспорта. Так, русские и белорусские рабочие привлекаются в большом количестве на строительство железных дорог и шоссе Рига-Псков. Много русских и белорусов появилось в Двинске, который с 60-х годов сделался узловым пунктом железных дорог: там скрещивались дороги Рига-Орел и Петербург-Варшава. Такая же судьба постигла и Режицу, через которую были проложены железнодорожные пути, соединяющие Ригу и Москву, Петербург и Варшаву. И здесь для строительных работ привозятся рабочие из соседних губерний. В Ливанах создается стеклодувный завод, потребовавший новую рабочую силу. В Риге старообрядец Кузнецов строит фарфоро-фаянсовый завод, на который нанимаются рабочие из псковско-новгородских земель. Многие русские крестьяне Латгалии и смежных уездов Витебской губернии после реформ 1861 года переселялись в города Ригу, Двинск, Режицу. Все же и после этого в Латгалии оставались деревни, сплошь населенные старообрядцами (Вышки, Малиновка и другие).

На территории Латвии русские жили и селились, и мирно уживались с местным коренным населением - латышами. На протяжении всех семисот лет они здесь были лояльным меньшинством.

РУССКИЕ РЕФОРМЫ 90-х годов

Мероприятия истинно демократического значения могут иметь место при всяком режиме. Достаточно вспомнить реформы Александра II: освобождение крестьян с наделением землей, (оно коснулось крестьян Латгалии), суд гласных с присяжными заседателями, всеобщая воинская повинность (эти реформы коснулись с известными ограничениями всех остзейских губерний). Подобным же образом должны быть оценены и преобразования, проведенные в Прибалтике за последние перед мировой войной 30 лет.

Что представлял собою Прибалтийский край в системе государственности до Александра III? Область, сохранявшую в себе существенные черты феодального строя: огромные земельные латифундии бывших завоевателей края, немецких баронов, полная зависимость от них коренного населения в отношениях земельном, административном, судебном, школьном и религиозном (ибо Лютеранская Духовная Консистория также была органом дворянства); сохраняла немецкий язык в учреждениях, сохранялось даже название края "Остзейский", т.е. лежащий на восток от моря. На восток, считая откуда?

Но как только проникал сюда глаз русского образованного человека, так сейчас же делались попытки осветить положение масс населения, их тяжкую зависимость. Благодаря кому, как не русским должностным лицам, случайно попадавшим в край в ничтожном числе, уже в самом скором времени после присоединения края, правительство императрицы Анны в официальных указах

свидетельствовало о "несносных насильствах и утеснениях", вследствие которых крестьяне "в крайнейшей мизерии, без жилища и по миру шатаются". Екатерина II также заметила, что в Лифляндии стремятся сохранить в силе "положения, присвоенные грубостью и варварством". По ее повелению генерал-губернатор граф Броун предложил ландтагу¹, собравшемуся в 1765 году, "о принятии мер к прекращению угнетений и разорений, причиняемых крестьянам" и об ограничении домашней расправы, отличавшейся иногда невероятной жестокостью. Справедливость требует сказать, что и из среды помещичьей являлись энергичные борцы с этим злом (отставной офицер русской службы Карл Фридрих Шульц-Ашераден, полковник Фридрих Вильгельм фон-Сиверс и др.), но они были бессильны, и составленные Ландтагом, под давлением генерал-губернатора, Правила 1765 года не были исполняемы. Павел I приказал объяснить лифляндским дворянам, что если они будут предъявлять к крестьянам чрезмерные требования, то у них будет отнимасмо право распоряжения именьями. Наконец, Александр I в самом начале своего царствования составил комитет для улучшения положения лифляндских крестьян, а в 1804 году утвердил "Положение", которое признало за крестьянами наследственное право на пользование землей и ограничило произвол помещиков в требовании вознаграждения ("повинностей") за нее. Это была уже серьезная реформа, но... вся история Прибалтики в составе России до Александра III является историей борьбы русской власти, пытавшейся улучшить положение народных масс, с немецким "рыцарством", втиравшим этой власти очки, вечно строившим хитрые обходы и подвохи, не гнушавшимся и подлогом²: это была своего рода война, а "на войне - как на войне". Александр I мечтал об освобождении в России крестьян от крепостной зависимости, но не

1) Дворянскому собранию.

2) Бордонос Н. Основы поземельных отношений в Лифляндской губернии. Рига, 1904, с. 39.

решался на это, боясь вызвать возмущение помещичьего класса, этой "опоры престола". Курляндские и лифляндские помещики поспешили к нему на помощь, показав пример: они сами составили проекты новых законов о крестьянах, с дарованием личной свободы. Новые законы были утверждены для Курляндии в 1817 году, а для Лифляндии — в 1819 году, конечно, с отменой прежних законов, то есть дана была личная свобода, но отменено наследственное право на пользование землей, отменены все ограничения в требовании вознаграждения за это пользование: вместо законных норм установлено "взаимное соглашение". Честный дворянин фон-Самсон на дворянском собрании 1843 года сказал, что: "Лифляндское дворянство не имеет права гордиться рыцарскою доблестью по поводу личного освобождения крестьян в 1819 году, так как это был не подвиг великодушия, который был бы вполне сообразен с духом времени; напротив, оно совершило тогда, так сказать, лишь хороший геинегт". Арендная плата все росла. В сороковых годах пошли волнения среди крестьян, стремившихся к переселению на юг России, переход в православие, — словом, такие явления, которые дворянство сочло нужным возвести в ранг "бунта" и требовать военных экзекуций. Глаза высшей русской власти открывались все более. Особым комитетом разоблачены были последствия системы безземельного освобождения, раскрыта ложность якобы добровольных соглашений, выяснена опасность для крестьян обратиться в пролетариев³.

В разное время издано было еще несколько законов по аграрному делу и, наконец, последовало Положение о лифляндских крестьянах 1860 г., которое оставалось в силе до конца Российской Империи: земля, находящаяся в пользовании крестьян, навсегда сохраняет свойство крестьянской земли и должна быть на планах отделена красной чертой от земли мызной; помещик может пользоваться

3) Бордонос Н. Основы поземельных отношений в Лифляндской губернии. Рига, 1904.

принадлежащей ему крестьянской землей только предоставляя ее крестьянам, при том по письменным долгосрочным арендным контрактам, заключенным в правительственном учреждении. В Курляндии и Земгалии действовали подобные же Правила 1863 года. Фактическое положение в этих областях было в общем такое же, как в Лифляндии.

Нельзя в нескольких строках перечислить все ухищрения, которые употреблялись в обход этого закона с целью увеличить площадь мызных земель за счет крестьянских.

Нужно было строгое и доброжелательное к крестьянам наблюдение на местах. Нельзя было дольше допускать игру формальными уловками, ибо уменьшение площади крестьянской земли прогрессировало и вместе с тем число обезземеленных крестьян угрожающе росло. Но одновременно с тем увеличивалось число русских свидетелей того, что здесь происходило. Заговорили в высших кругах Москвы и Петербурга. Вступивши на престол, Александр III назначил сенаторскую ревизию Прибалтийского края. Ревизором назначена была светлая личность, сенатор Манассеин, а переводчиком при нем известный латышский юрист - Андрей Стерете. С Манассеиным командирована была группа специалистов по разным вопросам. В результате ревизии последовали реформы Александра III: судебная, административная и школьная. По закону 14 сентября 1885 года немецкий язык в учреждениях заменен был русским, причем крестьянам предоставлено было право подавать прошения на своем родном языке; в учреждениях имелись штатные переводчики; чиновникам, владевшим латышским и немецким языками, не возбранялось объясняться с публикой на любом языке. В 1888 году преобразована полиция с устранением всякой зависимости ее от "рыцарства". В 1889 году преобразована судебная часть: вместо келейного суда, необыкновенно пестрого по множеству видов, введен одинаковый для всех гласный

суд по уставам Александра III (кроме присяжных заседателей, которые не были введены и до 30-х годов). В том же году учреждены и комиссары по крестьянским делам, для наблюдения за исполнением земельных законов и для надзора за волостным управлением (фактически они являлись и защитниками волостного самоуправления, своего рода народными трибунами). В 1893 году учреждены Губернские по крестьянским делам Присутствия, руководившие деятельностью комиссаров. В учреждениях немцы постепенно стали заменяться русскими и латышскими. Сравнительно тяжелой для народа была школьная реформа, вследствие введения русского языка как языка преподавания в гимназиях и старших классах элементарных школ (вместо немецкого). Но тяжесть этой реформы ложилась в большей степени на немецкие школы (где родной - немецкий язык заменялся русским, не пользовавшимся большим авторитетом среди немцев). Что же касается латышских школ, то в них замену немецкого языка преподавания русским латыши на первых порах приветствовали⁴. Латыши считали русский язык необходимым для льготных облегчений на военной службе. Знание русского языка открывало перед латышами большие возможности трудоустройства на хорошо оплачиваемые должности (например, управляющими имений в Центральной России), которые в Остзейском крае были им недоступны, а также широкие возможности приобретения земельной собственности при содействии Крестьянского Поземельного Банка. По разным губерниям России рассеялось немало прекрасных латышских хуторов⁵. Окончившие только городское училище латыши, благодаря знаниям русского языка, получали очень приличное место на государственной службе. "Обрусение"

4) См. по этому поводу статьи Кр.Валдемара, Атиса Кронвальда и других в латышской периодике 80-90-х годов.

5) Это "благодеяние" Банка на самом деле впоследствии в 30-40 годы в Советском Союзе закончилось для упомянутых здесь "хуторян" весьма плачевно. (Примечание редактора).

на первых порах не только принималось охотно, но и проводилось при участии самих латышей. Ближайшими сотрудниками первого директора народных училищ М.В.Сомчевского были инспектора народных училищ: Фрицце Трейланд (Бривземниекс, он же Верноземцев) и Е.А.Гравит. По инициативе первого, акты о школьных ревизиях составлялись на латышском языке, и эти акты вынуждены были подписывать немецкие бароны и пасторы. В 80-е годы по требованию сельских крестьянских собраний стали создаваться (хотя и немецкие школьные власти чинили всевозможные препятствия) министерские школы с русским языком преподавания⁶.

Осуществление реформ Александра III в административном отношении выпало в Лифляндии на долю губернатора, генерала М.А.Зиновьева, героя двух войн, георгиевского кавалера, почетного члена ученой Конференции Артиллерийской Академии, человека очень серьезного и необыкновенно трудолюбивого. Через короткое время он стал лучшим знатоком особенностей края.

Земско-повинностный вопрос составлял часть аграрного, так как земские повинности лежали только на крестьянской земле, которая так и называлась "повинностной", в противоположность мызной, свободной от повинностей. Кто бы ни владел крестьянской землей, обязан был отбывать повинности, между прочим и на содержание лютеранской церкви, независимо от вероисповедания, к которому лично сам принадлежал. Принуждение православных крестьян к содержанию лютеранских церковных учреждений и духовенства прекращено было только при Зиновьеве. Вооб-

6) См. Бордонос Н. Кое-что из жизни прибалтийских народных училищ. "Рижский Вестник", 1897, N 117.

В 90-е годы руссификация школ приобретает иной, более интенсивный и не всегда педагогически обоснованный характер. Это вызывает недовольство не только немецкого, но и латышского населения, а также прогрессивных русских педагогов (как в Прибалтике, так и в Москве и Петербурге). Начинается 25-летняя борьба (до 1917 года) против антипедагогических установок царского правительства. (Примечание редактора).

ще, в повинностном деле он произвел крупнейшие преобразования в облегчение крестьян и при том собственной властью или властью подчиненного ему Губернского Правления. Его правилом было действовать самостоятельно, хотя бы и с превышением власти. Земства, в русском смысле этого слова, в крае не было, заведывание земскими нуждами и повинностями лежало на Ландратской Коллегии (губернское дворянское учреждение); мелкими нуждами на местах ведали мелкие земские единицы, приходы (разумеется, приходы лютеранских церквей) со своими приходскими конвентами (собраниями), в которые входили представители дворянских имений и волостей. Приходы содержали школы, врачебные пункты, мелкие дороги, мосты и т.п. Крупными, общегубернскими нуждами ведала Ландратская Коллегия. Принуждение крестьян к выполнению повинностей и взыскание сборов лежало на полиции, а полиция была подчинена губернатору и Губернскому Правлению. Пользуясь этим, Зиновьев установил такой порядок, что никакое принуждение, никакое взыскание не могло быть применено иначе, как на основании раскладок, проверенных в Губернском Правлении. Преподаны были и указания, какие повинности могут быть возлагаемы на крестьян и какие должны нести владельцы мызных земель. Это вызвало со стороны дворянства ряд жалоб в Сенат, но все они оставлены были без последствий, либо даже без рассмотрения, по формальным причинам⁷. Ближайшее наблюдение за неуменшением крестьянской земли и вообще за соблюдением аграрных законов лежало на волостном самоуправлении, устроенном по особому Положению 1866-го года. Но что значило оно

7) Указы, опубликованные в N 112 "Лифляндских Губернских Ведомостей" 1891 г. (статья 117); в N 137 (статья 158). Циркуляры Лифляндского Губернатора по Губернским Правительственным комиссарам по крестьянским делам от 25 октября 1891 г. N 6939, уездным начальникам от 18 марта 1893 г. N 1849 и 11 сентября 1891 г. N 5921.

до Зиновьева? Что ни имение, то и волость; волостное правление по существу являлось ни чем иным, как людской избой помещика и всецело от него зависело. В одном, сравнительно позднем циркуляре Зиновьева говорится⁸: "Владелец мызы позволил себе вмешиваться в выборы, производя некоторого рода давление на волость с целью отстранить от выборов лиц, ему неудобных, и, напротив, доставить место старшины покровительствуемому им лицу", поэтому поручалось комиссарам не допускать такого вмешательства. Для устранения всякой зависимости волостного правления, в короткое время проведено было соединение волостей: из 800 их стало 150. Волостной сход из крестьян нескольких имений уже не так зависим, как из одного имения; волость получила возможность иметь более достойное помещение, нанять сведущего писаря (секретаря) для волостного правления и волостного суда, который после соединения волостей также перестал быть одним из органов помещичьей власти. А чтобы соединение волостей не ослабило крестьянского представительства в приходских конвентах (мелких земских ячейках), губернатор издал распоряжение, чтобы представители волостей пользовались на конвенте таким числом голосов, сколько волостей соединено в одну⁹.

Требование закона о сдаче крестьянской земли в долгосрочную аренду по формальным контрактам не сопровождалось указанием мер принуждения и потому некоторыми помещиками не исполнялось. Тут сотрудники Зиновьева придумали "свое средство": законный арендный контракт у комиссара не заключен, значит - помещик пользуется крестьянским хутором сам; а всякий, пользующийся крестьянской землей, по закону "сим самым" становится членом волостного общества, независимо от сословия, к коему принадлежит лично; а раз он член воло-

8) 14 мая 1891 г. N 4150 по Канцелярии Губернатора.

9) 18 ноября 1888 г. N 7154 по Губернскому Правлению.

стного общества, то не в праве отказаться от должности, на которую изберет его сход; и вот, через комиссаров по крестьянским делам присоветовано было волостным сходдам избирать таких помещиков на должность смотрителя хлебозапасного магазина. Какому же барону улыбалось проводить дни в магазине при ссыпке хлеба и при выдаче из него ссуд? Новоизбранный смотритель не являлся к должности, а комиссар подвергал его за это своею властью аресту при полиции. Это отбивало охоту незаконно пользоваться крестьянской землей.

Превосходным сотрудником Зиновьева был с 1890 по 1892 год вице-губернатор Н.М.Богданович, бывший судебный деятель (в 1901 году в должности губернатора он был убит террористом в Уфе).

Усердный ученик этих двух выдающихся администраторов, я был продолжателем их работы путем соответствующего освещения дел при приемнике Зиновьева (умершего в 1895 году) генерале В.Д.Суровцеве. Это была обаятельная, светлая личность, отзывчивая на все доброе. Между прочим, при нем сделано было интересное открытие. В "Своде местных узаконений"¹⁰ перечислены привилегии дворянских мыз, в том числе, исключительное право содержать мельницы и корчмы (постоялые дворы). В 70-х годах по делу, дошедшему до Государственного Совета, было открыто, что монополия на мельницы попала в "Свод" по ошибке, как "плод редакционного недоумения"; а при Суровцеве мною подвергнута была анализу и корчемная привилегия, после чего оказалось, что источники права, приведенные под 892 статьей, вовсе такой привилегии за мызами не устанавливают, с чем потом согласился и Государственный Совет¹¹.

Самыми важными, однако, представлялись мероприятия к обеспечению крестьян землею. Крестьянство дели-

10) Часть III, статья 892.

11) Архив Лифляндского губернатора. Записка о введении винной монополии.

лось на два класса: хозяева (собственники и арендаторы) и безземельный пролетариат. Последний все возрастал численно и к описываемому времени составлял от 60 до 80% всего крестьянства. Положение хозяев было также непрочным: стоило арендатору произвести на участке улучшения и повысить его доходность, как повышалась и арендная плата. С приобретением земли в собственность крестьянин все же не выходил из кабалы: покупка земли совершалась при содействии дворянского Кредитного Общества, дававшего весьма незначительную ссуду, вследствие чего большая часть покупной цены оставалась долгом продавцу, при том на сравнительно короткий срок. Крестьянин не был в силах платить двум кредиторам одновременно, затягивая платежи помещику, срок проходил и "собственник" попадал в положение неисправного должника, владение которого в любое время, при малейшем неугождении помещику, могло быть поставлено на торги. Исключением были только казенные имения, в которых крестьяне наделены были землею на льготных основаниях. Ненормальное положение коренного населения края изображено в докладе Лифляндского губернатора Николаю II при годовом отчете за 1896 год, причем указано было на необходимость распространения на край действий Крестьянского Поземельного Банка, который мог бы уплатить за крестьян долги, сделанные по покупке земли, а также содействовать покупке земли безземельными. Николай II поместил: "Представить соображения". Но дворянство употребляло все меры к недопущению действий Крестьянского Поземельного Банка: оно не хотело ни лишиться власти над крестьянами, ни уменьшить операции своих кредитных обществ.

В 1900 году умер Суровцев, а я был переведен из края. Когда в 1903 году император спросил о банке: "На чем же дело остановилось?"; ему было доложено, что дело отложено вследствие финансовых затруднений, вызванных военными действиями в Китае¹².

12) Доклад Министерства Финансов Комитету министров от 17 июня 1904 года за N 12459.

В 1904 году вышла в свет упомянутая уже моя книга. В Петербургской "Юридической газете" посвящена была книге большая статья¹³. Рецензия связывала мою книгу с упомянутым выше отчетом губернатора за 1896 год. Одновременно с тем, точнее - в 1905 году, в Латвии, под влиянием агитации социально-демократической партии, началось сильное брожение среди безземельных крестьян, перешедшее в насильственное смещение волостных должностных лиц, затем в вооруженные выступления и т.д., о чем достаточно известно¹⁴. Назначенный по случаю этих волнений временный генерал-губернатор Соллогуб среди других мер объявил, что вскоре станет действовать Крестьянский Поземельный Банк. Я телеграммой вызван был в Петербург и включен в комиссию для выработки проекта распространения действий Крестьянского Банка на Прибалтийские губернии, образовавшую под председательством товарища Министра финансов А.И.Путилова. Представители дворянства Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерний сильно боролись против предоставления Крестьянскому Банку права дробить дворянские имения, которые он приобретет, равно как уменьшать размеры слишком больших крестьянских участков (во сто и более десятин). Большую поддержку проекту оказали А.И.Путилов и Министр земледелия А.В.Кривошеин. Государственный Совет принял проект подавляющим большинством голосов¹⁵. Летом 1906 года открыты были отделения Банка в Ревеле, Риге и Митаве. Я был назначен управляющим последнего. В первое время (не меньше 2 лет) работа Банка тормозилась всякими затруднениями, которые ставились дворянством, особенно в тех районах,

13) "По вопросам de lege ferenda (для внесения законопроекта) книга г.Бордоноса может оказать большую услугу". - "Юридическая газета", 1904, N 33.

14) Дело Курляндского Губернского по крестьянским делам Присутствия 1905 г. N 797 лит. О.Б.

15) Журнал общего собрания Государственного Совета 17 апреля 1906 года.

где началась колонизация немцами¹⁶. "На немецком землевладении зиждется немецкая сила в крае", - писала "Rigasche Rundschau" и требовала исключения из дворянского сословия тех, кто продаст имение Крестьянскому Банку. "Duna Zeitung" называла такую продажу изменой немецкому делу, а продавцов - могильщиками, требуя опубликования их имен на посрамление. В баронском офицьеze "Baltische Tageszeitung" (Митава 12 декабря 1907 г. N 296) помещена была обширная передовая статья: "К обретению балтийского аграрного вопроса", где утверждалось, что до латышской революции никто, кроме социал-демократов, не говорил о балтийском аграрном вопросе - "везде смотрели на наше исторически, постепенно и вполне правильно развившееся аграрное устройство, как на вполне счастливое разрешение сельскохозяйственной проблемы".

Практика выдвинула много разных подробностей, которыми помещики могли затруднять дело. Так, некоторые кредиторы ставили на торги хутора внезапно, не допуская возможности выполнить все формальности по залогу в Банке. В таких случаях я принимал на свою личную ответственность нарушение устава Банка, и помощь оказывалась с чрезвычайной быстротой (здесь я говорю о Курляндской губернии, составлявшей район моего отделения Банка). Далее, для крестьян было выгоднее, чтобы их долги Кредитному Обществу погашались свидетельствами этого Общества; но первое время никто, даже Рижская Биржа, не продавал Банку этих свидетельств. Мы прибегли к посредникам, несмотря на всю трудность для государственного учреждения уплачивать посредническое вознаграждение. И через некоторое время плотина прорвалась, нам

16) В 1908 году образовано было даже общество с особым уставом для покупки земель и заселения их немцами из менее зажиточных колонистов Волынской и др. губерний. Для приглашения их были агенты - специалисты (см. в архиве Земельного Банка подробные доклады мои в письмах на имя управляющего Крестьянским Поземельным Банком от 21 мая 1908 года N 3044 и 9 декабря 1911 года N 25831).

стали продавать свидетельства и частные лица, и даже касса Кредитного Общества. Так постепенно вошла работа Банка в колею. Охотников продать имение Банку сначала нашли через посредников, а потом стали появляться и сами. К Банку привыкли, оценили его честную и беспристрастную работу. Появились из среды дворянства лица, охотно руководившие крестьянами своих имений в их делах с Крестьянским Банком. Из таких благородных деятелей память сохранила мне имена Вальтер-Ваттенгейма и старика Фитингофа из Земгалии. Не могу не упомянуть с большим уважением, входивших в мое отделение Банка в качестве членов от дворянства баронов Макса фон-дер-Раппа (убитого большевиками) и Николая Мантейфеля (не Кацдангенский!). Вообще, в истории Латвии надо строго различать направление "рыцарства", как корпорации, всегда однородное, от поведения отдельных членов этого сословия, различного у разных лиц.

Банк уплачивал долги за крестьян, зачисляя за ними ссуды на 55 1/2 лет по 4 1/2% (с погашением), отпускал такие же ссуды на покупку земли, сам покупал имения и делил на хутора, оставляя жизнеспособные центры; строил мосты, проводил осушительные каналы. Наступление неприятеля в 1915 году деятельность Банка прекратило¹⁷.

17) Деятельность Банка имела определенное значение в изменении количества русского населения в Латвии: при его посредстве казенные имения северной Латгалии были на льготных условиях проданы малоземельным и безземельным крестьянам Псковской губернии. Они были известны в Латгалии под именем "сипаки". (Примечание редактора).

ПЕРЕЗВОНЫ

Федотов А.Н.

доктор экономических наук

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЛАТВИИ ЗА 110 ЛЕТ В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ

Состав населения на территории, с течением времени получившей название Латвии, с глубокой древности был разнообразным. На протяжении многих столетий здесь селились и смешивались представители финно-угорских, балтских, славянских, германских и других племен и народов. Современное население Латвии вобрало в себя большое многообразие различных этнических элементов. Особенно это относится к населению городов, которые изначально возникали и развивались на международных торговых путях как центры товарного и культурного обмена с другими странами и народами. Пестрота населения издавна была характерной чертой облика городов на территории Прибалтики. В частности, уже в конце XV-первой половине XVI в. в крупных городах Ливонии проживало значительное количество русских купцов и ремесленников.

Однако прямыми статистическими данными о составе населения в пределах нынешней Латвии мы располагаем лишь со второй половины XIX в. В это время все латвийские земли находились в составе Российской империи. Правда, и сведения статистики XIX в. нельзя считать вполне надежными, ибо национальная принадлежность определялась либо по языку, либо вообще произвольно; распространенным явлением было то, что многие из жителей приписывались к политически и экономически господствовавшим народам. Такие оговорки следует иметь в виду, пользуясь данными ревизий, а затем и переписей населения, проводившихся в прибалтийских губерниях царской России.

Согласно данным переписи, проведенной в Курляндской и Лифляндской губерниях в 1881 г., на территории западной и северной Латвии (без Латгалии и Илукстского уезда) 77% всех жителей составляли латыши, 11,3% - немцы, 5,5% - евреи, 4% - русские (вместе с белорусами), 2,2% - представители других национальностей (прежде всего поляки) (3, с.95; 4, с.113). В то же время в Латгалии доля русского и другого нелатышского населения была значительно выше.

Своим национальным составом населения всегда выделялась Рига. Соотношение различных национальностей среди ее жителей сильно менялось в разные исторические периоды. Так, еще в конце XVIII - середине XIX в. 40-46% жителей города составляли немцы. Доля латышей со второй половины XVIII в. до середины XIX в. даже падала (с приблизительно 1/3 в 1767 г. до менее чем 19% в 1844 г.). Удельный вес русских среди жителей города достигал в 1767 г. около 14%, а в 1844 г. - уже более 30%. Относительно высокая (до 9-10%) была среди рижан в конце XVIII-начале XIX в. доля поляков. (Отметим, что в 1767 г. в Риге проживали 19,5 тыс. человек, в 1840 г. - более 60 тыс.) (4, с.113; 25, с.32, 34). Только во второй половине XIX в., за счет наплыва в Ригу жителей из села, начинают быстро расти численность и доля латышей в городе. В результате упал удельный вес немцев (32,3% в 1881 г.) и русских (16,7%), хотя абсолютная численность тех и других не уменьшалась; более того, число русских продолжало быстро возрастать (12, с.12).

70-90-е гг. XIX в. были отмечены активизацией русификаторской политики царизма, одной из целей которой в Прибалтике стало вытеснение немецкого влияния из различных сфер общественной жизни и замена его русским. Бурное развитие промышленности на рубеже XIX и XX вв. сопровождалось притоком многонациональной рабочей силы из окрестных губерний в города Латвии.

* См. перечень источников и литературы в конце статьи.

С другой стороны, конец XIX-начало XX в. характеризуются значительными размерами переселенческого движения из Латвии. В поисках земли во внутренние районы России, в Сибирь, на Северный Кавказ переселялись многие тысячи латышских крестьян (только в XIX в. - более 100 тыс. человек (4, с.117)). Возникла также эмиграция латышей в Америку (США, Бразилию). И наконец, нельзя не отметить еще одно явление, также наблюдающееся на территории Латвии и Эстонии со второй половины XIX в.: тенденцию острого падения рождаемости и естественного прироста населения. Этот процесс т.н. демографического перехода захватил латышей и эстонцев раньше, чем соседние народы России, и выразился в замедлении роста численности латышской и эстонской наций.

Все перечисленные факторы нашли отражение в изменениях национального состава населения Латвии, произошедших до начала первой мировой войны.

Подробные сведения о составе населения всей Латвии дают материалы первой всероссийской переписи 1897 г. Правда, в ней учитывалась не национальность, а родной язык. Согласно этим данным, в 1897 г. на территории, почти соответствующей Латвии в сегодняшних границах (Курляндская губерния, часть Лифляндской и часть Витебской губернии - всего 17 уездов того времени), латыши составляли чуть более 68% всех жителей, русские и белорусы (численность украинцев была незначительной) - 12%, евреи - 7%, немцы - 6%, все другие национальности вместе взятые - 7% (см. табл.1 и 2). Однако полученные цифры нельзя признать вполне точными: общепризнано, например, что многие латыши оказались записаны как немцы.

Результаты переписи 1897 г. по Риге показывают, что абсолютная численность русского населения в городе продолжала возрастать, хотя в процентном отношении доля русских осталась почти такой же, как в 1881 г. (см. табл.3 и 4). Значительную степень многонациональности обнаруживает состав населения других крупнейших городов Латвии (см. табл.5).

Таблица 1.
Основные национальности в Латвии (по данным переписей населения), 1897-1989 гг.
(тыс. человек)¹

Год переписи	Общая численность населения	В том числе										Другие нац-сти
		Латыши	Русские	Белорусы	Украинцы	Немцы	Евреи	Поляки	Литовцы	Эстонцы		
1897 ²	1929,4	1318,1	232,2			120,0	142,3	65,1	26,0	18,0	7,0	
1920 ³	1596,1	1159,4	91,5	66,2	...	58,1	79,4	52,2	25,5	8,7	55,1 ⁴	
1925 ³	1844,8	1354,1	193,6	38,0	...	71,0	95,7	51,1	23,2	7,9	10,2 ⁴	
1930 ³	1900,0	1395,0	201,8	36,0	1,6	69,9	94,4	59,4	25,9	7,7	8,5 ⁴	
1935 ³	1950,5	1472,6	206,5	26,9	1,8	62,1	93,5	48,9	22,9	7,0	8,2 ⁴	
1943 ³	1803,1	1444,5	207,0	40,7	11,4	17,8	13,0 ⁵	38,2	24,2	5,5	4,0	
1959	2093,5	1297,9	556,4	61,6	29,4	1,6	36,6	59,8	32,4	4,6	8,6	
1970	2364,1	1341,8	704,6	94,9	53,5	5,4	36,7	63,0	40,6	4,3	19,3	
1979	2502,8	1344,1	821,5	111,5	66,7	3,3	28,3	62,7	37,8	3,7	19,5	
1989	2666,6	1387,8	905,5	119,7	92,1	3,8	22,9	60,4	34,6	3,3	36,5	

¹ Источники: 6, с. 21; 19, с. 427, 432, 454-456; 16, с. 8-11; 11, с. 10; 24, с. 96; 4, с. 113; 17, т. 10, столб. 20443; 15, с. 3.

Некоторые цифры рассчитаны автором на основании имеющихся данных.

² По родному языку.

³ В границах Латвии соответствующих лет.

⁴ Включая лиц неустановленной национальности.

⁵ Переписью не учитывались

В 1913 г. в Риге была произведена отдельная перепись населения. В ней наряду с показателем языка (обыденный язык) впервые появляется и показатель национальности. Данные этой переписи говорят о еще более ускорившемся росте численности русского населения города. Число русских в Риге к этому времени впервые превысило число немцев. Удельный вес русского населения среди жителей города возрос почти до 19%.

Точных сведений о составе населения в целом на всей территории Латвии накануне первой мировой войны, к сожалению, нет. По оценкам, общая численность населения Латвии к 1914 г. достигла 2,5 млн. человек (2 млн. 493 тыс. человек в современных границах и 2 млн. 552 тыс. - в границах Латвийской республики 1920-1930-х гг., т.е., включая нынешний Пыталовский район Псковской области) (6, с.14; 20, с.82). Из общего числа жителей латыши составляли, по оценке известного латвийского статистика 20-30-х годов М.Скусиекса, лишь чуть более 60% - следовательно, почти 40% приходилось на другие национальности (14, с.132-133). По мнению современного латвийского демографа П.Звидриньша, численность латышей в Латвии в начале 1914 г. достигала 1490 -1560 тыс.человек (28), что также соответствует примерно 60% от 2,5-миллионного населения.

Первая мировая и последовавшая за ней гражданская войны сопровождались катастрофическими для такой небольшой страны, как Латвия, потерями населения. В результате военных действий, бегства и эвакуации населения в глубинные районы России численность жителей на территории Латвии сократилась более чем на 1/3 - с 2,5 млн.человек в 1914 г. до едва 1,6 млн. в 1920 г. (По некоторым данным, в 1919 г. в Латвии оставалось всего 1 млн. 480 тыс. жителей (18, с.79)). Такого громадного урона, если считать пропорционально общей численности населения, не понесла в первой мировой войне ни одна другая страна.

При этом произошли существенные изменения национального состава. Территорию Латвии покинула значи-

Таблица 2.

Национальный состав населения Латвии, 1897-1989 гг. (в процентах)¹

Год переписи	НАЦИОНАЛЬНОСТИ										
	Латыши	Русские	Белорусы		Украинцы	Немцы	Евреи	Поляки	Литовцы	Эстонцы	Другие нац-сти
			Русские	Белорусы							
1897 ²	68,3	12,0			6,2	7,4	3,4	1,4	0,9	0,4	
1920 ³	72,6	5,7	4,1	...	3,6	5,0	3,3	1,6	0,5	3,5 ⁴	
1925 ³	73,4	10,5	2,1	...	3,8	5,2	2,8	1,3	0,4	0,6 ⁴	
1930 ³	73,4	10,6	1,9	0,1	3,7	5,0	3,1	1,4	0,4	0,5 ⁴	
1935 ³	75,5	10,6	1,4	0,1	3,2	4,8	2,5	1,2	0,4	0,5 ⁴	
1943 ³	80,1	11,5	2,3	0,6	1,0	0,7 ⁵	2,1	1,3	0,3	0,2	
1959	62,0	26,6	2,9	1,4	0,1	1,7	2,9	1,5	0,2	0,4	
1970	56,8	29,8	4,0	2,3	0,2	1,6	2,7	1,7	0,2	0,8	
1979	53,7	32,8	4,5	2,7	0,1	1,1	2,5	1,5	0,1	0,8	
1989	52,0	34,0	4,5	3,5	0,1	0,9	2,3	1,3	0,1	1,4	

¹ Источники: те же, что к табл. 1.² По родному языку.³ В границах Латвии соответствующих лет.⁴ Включая лиц неустановленной национальности.⁵ Переписью не учитывались

тельная часть русских, немцев, евреев, поляков, лиц других национальностей. Поэтому, при общем резком сокращении числа жителей, среди оставшихся заметно возрос удельный вес латышей.

Так, перепись, проведенная в конце июля 1917 г. в Риге, показала, что среди обитателей города латыши составляли 54,3% (больше, чем когда бы то ни было раньше), немцы - 14,3%, русские - 8,6%. Правда, численность латышей в данном случае заметно увеличивали находившиеся в городе почти 49 тысяч беженцев из занятой германскими войсками Курляндии (21, с.30). Довольно сходные результаты дала еще одна перепись жителей Риги, произведенная в 1919 г. и учитывавшая как гражданское население, так и военных.

В целом же, как писала в декабре 1917 г. газета "Лайка домас", "по некоторым непроверенным сведениям, только около 70% населения Латвии - латыши. Остальные - нелатыши" (8). Разумеется, это была лишь приблизительная оценка.

В течение 1920-1930-х гг. в Латвийской республике были осуществлены четыре переписи населения: в 1920, 1925, 1930 и 1935 гг. Они свидетельствуют, что на протяжении указанных двух десятилетий среди населения нового государства примерно 3/4 составляли представители коренной нации - латыши, а около 1/4 - другие национальности. В частности, доля русских, согласно данным переписей, равнялась в 1920 г. 5,7%, а в 1935 г. - 10,6%. В Латгалии удельный вес русских был значительно выше: в 1935 г. он составил 27,1% (16, с.8-9).

Тяжелые потери, понесенные в период первой мировой войны, за последующие два десятилетия так и не удалось восполнить. Хотя в течение 20-х гг. на родину возвратилась часть беженцев и эвакуированных (за 1920-1928 гг. из Советской России вернулись 236 тыс. человек (4, с.117)), все же ни это возвращение, ни сравнительно медленный естественный прирост не обеспечили восстановления прежней численности населения.

Таблица 3.

Основные национальности среди жителей Риги (по данным переписей населения), 1867-1989 гг. (тыс. человек)¹

Год переписи	Общая численность населения	В том числе								Другие нац-сти
		Латыши	Русские	Белорусы	Украинцы	Немцы	Евреи	Эстонцы	Поляки	Литовцы
1867 ²	95,8	23,3		21,3		43,5	5,0	0,6		2,1
1881 ²	162,6	54,7		27,2		52,5	19,7	2,2		
1897 ³	255,9	106,5		43,3		65,3	16,5	3,5		1,5
1913	472,1	192,2		88,7		67,0	32,6	8,6		
1917	209,7	113,8		18,0		30,0	21,5	2,0		
1919	212,8	109,7		15,2		36,8	28,7	2,5		
1920	166,5	86,7		11,5		28,0	24,6	1,5		
1925	337,7	198,7	27,6	1,6	...	43,8	39,4	2,3	4,9	5,9
1930	377,9	227,8	29,7	4,8	...	44,1	42,3	2,4	12,9	33,5
1935	385,1	242,7	28,3	4,7	0,8	38,5	43,7	2,2	45,6	11,4
1959	580,4	258,5	228,6	18,6	16,3	0,5	29,8	1,4	10,8	6,4
1970	731,8	299,1	312,9	30,1	25,3	1,0	30,6	1,5	9,5	5,0
1979	828,5	317,6	382,0	37,7	32,0	0,9	23,6	1,3	7,6	7,7
1989	910,5	331,9	430,6	43,6	43,6	1,1	18,8	1,2	16,7	7,0

¹ Источники: 6, с. 22; 12, с. 13; 17, т. 10, стилб. 20437-20441; 21, с. 30. В данных за 1867-1920 гг. в источниках имеются расхождения, связанные главным образом с тем, в каких границах исчислено население города: в городской черте или с включением т.н. патримоняльного округа. Нами принята численность населения в городской черте.

² По общеденному языку в семье.

³ По родному языку.

Общая численность последнего к началу 1940 г. (1 млн. 886 тыс. человек в современных границах, или 1 млн. 931 тыс. в границах того времени (6, с.14; 20, с.52)) оставалась примерно на 1/4 меньше, чем в 1914 г.

Как следует из табл.2, удельный вес коренной нации в составе населения Латвийской республики между переписями 1920 и 1935 гг. постепенно возрастал. Но в течение 20-х гг. это явление объясняется в первую очередь упомянутым выше возвращением многих тысяч беженцев (преимущественно латышей) из России. Что же касается естественного прироста, то он, низкий в целом по Латвии, у латышей оставался ниже среднего. В данной связи не может не привлечь внимания довольно-таки неожиданный поворот в динамике численности и удельного веса основных национальностей Латвии при переписи 1935 г.

В самом деле, как следует из результатов переписей, общая численность населения государства увеличилась за 5 лет, с 1930 по 1935 г., всего на 50,5 тыс. человек. Между тем численность латышей выросла, согласно тем же данным, с 1 млн. 395 тыс. человек до 1 млн. 472,6 тыс. - т.е., на 77,6 тыс. человек. Численность русских возросла за тот же период всего на 4,7 тыс. человек, а белорусов - сократилась на 9,1 тысячи (или на 1/4). (Всего же за 15 лет, с 1920 по 1935 гг., численность белорусов в Латвии, по данным четырех переписей, снизилась с 66,2 тыс. человек до 26,9 тыс. - почти на 60%). Перепись 1935 г. показывает уменьшение численности всех остальных главных национальностей Латвии: евреев (на 0,9 тыс. человек по сравнению с 1930 г.), немцев (на 7,8 тыс. человек), поляков (на 10,5 тыс. человек), литовцев (на 3 тыс. человек), эстонцев (на 0,7 тыс. человек) (см. табл.1).

Чем объяснить подобные изменения? Возьмем другие данные той же латвийской статистики 30-х гг. - о естественном приросте населения (т.е., о разности между рождаемостью и смертностью) по отдельным национальностям. Если следовать этим сведениям ежегодного учета,

Таблица 4.

Национальный состав населения Риги, 1867-1989 гг. (в процентах)¹

Год переписи	НАЦИОНАЛЬНОСТИ									
	Латыши	Русские	Белорусы	Украинцы	Немцы	Евреи	Эстонцы	Поляки	Литовцы	Другие нации
1867 ²	24,3	8,2	22,2	...	45,4	5,2	0,7	2,2		
1881 ²	33,6		16,7		32,3	12,1	1,4	3,0	2,3	0,9
1897 ³	41,6		16,9		25,5	6,5	1,4			
1913	40,7		18,8		14,2	6,9	1,8			
1917	54,3	7,4	8,6	0,2	14,3	10,3	1,0	5,1	5,4	1,0
1919	51,5		7,1		17,3	13,5	1,2	4,5	3,0	1,9
1920	52,1		6,9		16,8	14,8	0,9	4,5	3,0	1,0
1925	58,9		0,5		13,0	11,7	0,7	3,9	2,3	1,0
1930	60,3	7,9	1,3	...	11,7	11,2	0,7	4,4	1,8	0,9
1935	63,0	7,4	1,2	0,2	10,0	11,3	0,6	4,1	1,5	0,7
1959	44,5	39,4	3,2	2,8	0,1	5,1	0,2	2,8	1,0	0,8
1970	40,9	42,7	4,1	3,5	0,1	4,2	0,2	2,4	0,9	1,0
1979	38,3	46,1	4,6	3,9	0,1	2,8	0,2	2,0	0,8	1,2
1989	36,5	47,3	4,8	4,8	0,1	2,1	0,1	1,8	0,8	1,8

¹ Источники: те же, что к табл. 3.² По общенному языку в семье³ По родному языку

то в общей сложности за 5 лет, с 1930 по 1934 гг. включительно, численность населения Латвии возросла за счет естественного прироста на 46,4 тыс. человек. Притом число латышей увеличилось всего на 26,6 тыс. человек, русских (вместе с белорусами) - на 16,8 тыс., поляков - на 2,6 тыс., евреев - на 1,2 тыс., литовцев - на 0,5 тыс.; число немцев сократилось на 1,7 тыс. человек, а эстонцев - на 0,1 тысячи (16, с.14-15).

В чем причина расхождения полученных результатов с итогами переписи 1935 г.? Эмиграция и иммиграция в рассматриваемый период уже не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на численность и состав населения Латвии, так как возвращение беженцев и обмен населением с сопредельными государствами уже завершились. Наиболее существенным элементом миграции был приток в Латвию сельскохозяйственных рабочих из Польши и Литвы. Откуда в таком случае мог возникнуть прирост численности латышей на целых 51 тыс. человек (разница между естественным приростом в 26,6 тыс. человек и приростом в 77,6 тыс. человек по данным переписи 1935 г.?)

Ответ здесь, очевидно, может быть только один: при переписи 1935 г. часть нелатышей превратилась в латышей. Официально провозглашенная режимом К.Ульманиса политика "латышизации" (*latviskošana*) всех сфер экономической и социальной жизни государства должна была принести свои плоды.

За предыдущие два десятилетия доля коренной нации в общей численности населения Латвии увеличилась очень мало: между переписями 1920 и 1925 гг. - с 72,6% до 73,4% (как уже сказано, главным образом за счет возвращения латышей из России), а между переписями 1925 и 1930 гг. - всего лишь с 73,40% до 73,42% (15, с.3). Зато с 1930 по 1935 гг., успех "латышизации" налицо: удельный вес коренной нации повысился сразу до 75,5%. Разумеется, процесс ассимиляции национальных меньшинств - явление, которое в небольших размерах можно считать естественным. Но настораживает явная активизация этого процесса в данных переписи 1935 г.

Таблица 5.
Национальный состав населения некоторых городов Латвии, II половина XIX в. — 1989 г.¹

Год переписи	Общая численность населения	В том числе (в %)							Другие нац-сти
		Латыши	Русские	Белорусы	Украинцы	Немцы	Евреи	Поляки	
ЛИЕПАЯ									
1863 ²	10,0	16,0	...	...	...	63,0	...	...	...
1881 ²	29,6	32,0	...	...	...	33,0	23,0	...	...
1897 ³	64,5	38,6	11,3	0,6	0,2	23,8	8,5	9,3	6,2
1930	57,2	65,0	3,0			10,0	14,0	4,0	3,0
1989	114,5	38,8	43,1	4,9	7,5	...	...	1,1	2,3
ДАУГАВПИЛС									
1897 ³	72,2	2,0	28,0			4,0	46,0	16,0	4,0
1925	40,6	27,0	17,0	3,0	...	1,0	31,0	19,0	2,0
1930	43,2	27,0	19,5	2,3	...	1,3	26,9	20,8	1,5
1989	126,7	13,0	58,3	9,1	3,1	...	...	13,1	0,9
ЕЛГАВА									
1897 ³	35,1	45,7	11,3	0,6	0,2	27,7	9,1	2,4	1,4
1925	28,3	75,0	4,0			10,0	7,0	1,0	2,0
1930	33,0	78,0	4,0			8,0	6,0	1,0	2,0
1989	74,7	49,7	34,7	6,0	3,9	...	...	1,7	1,2

¹ Источники: 17, т. 3, столб. 4792, т. 7, столб. 14319, 14321, т. 12, столб. 24060, 24068; 15, с. 6; 1, т. 19, с. 78-81; 10;

² с. 95; 6, с. 23.

³ По обыденному языку

По родному языку

Особенно наглядным здесь является изменение численности белорусов. Свой вклад в выполнение задачи "латышизации" внесла и сама статистика. На этот факт обращал внимание еще в 1950-х гг. советский исследователь Л.Стародубский. По его расчетам, из-за тенденциозного подхода к определению национальности численность латышей в 1935 г. оказалась завышена на 48,6 тыс. человек. Надо признать, что к исследованиям упомянутого автора следует относиться с осторожностью; однако в данном случае его вывод не противоречит тем расчетам, которые сделаны нами выше. Добавим, что вывод Л.Стародубского в дальнейшем принимали известные в Латвии демографы Б.Межгайлис и П.Звидриньш (20, с.150-152).

Таким образом, если до первой мировой войны многие латыши записывались как немцы, то в 30-х гг. обнаруживается другое явление: теперь уже часть нелатышей зачисляется в латыши.

Из сказанного следует, что несколько завышены и те оценки численности латышей к 1939-1940 гг. (1490-1500 тыс. человек), которые даются латвийскими и эмигрантскими исследователями (19, с.433; 28).

Новые драматические изменения численности и состава населения Латвии последовали в годы второй мировой войны.

В 1939 - начале 1941 г. репатриировались в Германию почти все латвийские немцы (около 60 тыс. человек) (23, с.50-51; 19, с.444). Многие тысячи людей всех национальностей подверглись депортации, предпринятой сталинским режимом в июне 1941 г. (еще не так давно в Латвии было принято официально называть цифру в 16 тысяч человек (27); на Западе обычно называется цифра около 34 тысяч) (19, с.437; 23, с.50). Еще более тяжелые потери начались с приходом войны на территорию Латвии.

Малоизвестным остается тот факт, что в конце февраля 1943 г., в условиях фашистской оккупации, статистическим управлением Латвии была произведена еще одна

перепись населения. Ее результаты, несколько скорректированные латышскими эмигрантскими авторами, также приведены в табл.1 и 2.

Перепись 1943 г. показала дальнейшее сокращение численности жителей Латвии. Практически полностью было уничтожено еврейское население - за исключением той его части, которая успела эвакуироваться в советский тыл. Численность еврейского населения, приведенная в табл.1, не должна вводить в заблуждение. Как сообщают латышские эмигрантские авторы, переписью 1943 г. евреи уже не учитывались, и только по документам немецких учреждений установлено, что в Латвии на момент переписи находились 12964 еврея, в том числе 7784 - ввезенных из Германии и 276 - из Литвы (19, с. 432). Какая судьба их ожидала - хорошо известно.

Как отмечено и советскими, и эмигрантскими исследователями, до 1944 г. гитлеровцами были в принудительном порядке отправлены из Латвии на работы в Германию 32-33 тыс. человек разных национальностей (19, с.437; 4, с.229). Численность латышей в Латвии, согласно переписи 1943 г., составила 1444,5 тыс. человек. Эмигрантский автор Я.Руткис считает, что это было уже на 54,6 тыс. человек меньше, чем в 1939 г. Отмечая резкое увеличение численности украинцев - с 1,8 тыс. человек в 1935 г. до 11,4 тыс. в 1943 г. - тот же автор объясняет его появлением в Латвии выпущенных на свободу военнопленных украинской национальности (19, с.431- 432, 437,455).

В конечном же счете к моменту окончания войны Латвия (вторично за 30 лет!) лишилась почти 1/3 своего населения. По оценкам латвийских и зарубежных исследователей, вместо довоенных 1,9 млн. жителей на территории республики в 1945 г. оставалось всего 1,3-1,4 млн. человек (24, с.57; 22, с. 274-275; 23, с.55). Тысячи людей погибли в ходе военных действий, в том числе сражаясь по обе стороны фронта. Около 100 тысяч достигло общее число мирных граждан всех национальностей, павших жертвами

террора нацистов и их местных пособников. Около 280 тысяч человек были насильно вывезены в Германию, утаны или бежали на Запад в конце войны; часть из них возвратилась на родину, но приблизительно (по разным оценкам) 110-125 тыс. латышей остались на Западе (19, с.437; 23, с.52; 4, с.236).

Эти огромные потери возмещались в Советской Латвии, в условиях традиционно слабого естественного прироста населения, в очень значительной мере за счет механического прироста - т.е., притока населения из других республик СССР. Притом имели место и дальнейшие потери населения (особенно в ходе коллективизации и депортации 1949 г.). Численность жителей на уровне 1940 г. была восстановлена в Латвии к началу 1950 г.; что же касается численности населения, имевшейся в 1914 г., то она была вновь достигнута лишь в 1977 г. - т.е., спустя 63 года.

С 60-х гг. главным фактором увеличения численности и изменения национального состава населения Латвии сделался механический прирост. О миграционном притоке населения в Латвию, происходившем все послевоенные десятилетия, написано уже много, и еще раз подробно анализировать этот вопрос не является задачей настоящей статьи. В данной связи автор хотел бы лишь вновь подчеркнуть уже высказанную и обоснованную им в публикациях (5) точку зрения: объяснять приток рабочей силы из других республик в первую очередь злонамеренной национальной политикой Москвы - слишком примитивное упрощение. Форсированный рост промышленности Латвии, потребовавший массового привлечения трудовых ресурсов извне, происходил не только с большим опережением общесоюзных пятилетних планов, но зачастую и в прямом противоречии с директивными установками последних. Здесь ярко проявилась своеобразная ведомственная анархия производства, сложившаяся в условиях советской плановой экономики. С чисто экономической точки зрения союзным министерствам и ведомствам представлялось более выгодным наращивать производство в хорошо освоенной Прибалтике, а не в восточных районах страны.

Таблица 6.

**Национальный состав населения районов Латвии
по данным переписи населения 1989 г.¹**

Районы	Национальности (в %)						
	Латыши	Русские	Белорусы	Украинцы	Поляки	Литовцы	Другие нац-сти
Айзкраукльский	73,7	16,6	2,8	1,6	1,3	2,9	1,1
Алуксненский	75,0	18,2	0,9	2,6	0,3	0,2	2,8
Балвский	71,8	24,5	0,8	1,3	0,3	0,1	1,2
Бауский	68,4	14,3	4,7	3,1	1,5	6,3	1,7
Цесисский	81,3	12,8	2,0	1,4	1,1	0,5	0,9
Даугавпилсский	35,9	40,8	7,0	1,9	11,2	1,7	1,5
Добельский	63,7	18,7	5,6	3,6	1,7	4,9	1,8
Гулбенский	79,8	15,5	1,4	1,4	0,7	0,3	0,9
Екабпилеский	61,6	27,1	3,6	2,2	2,1	1,6	1,8
Елгавский	61,1	21,3	8,0	2,6	2,4	3,3	1,3
Краславский	43,1	27,4	20,1	1,6	6,0	0,4	1,4
Кулдигский	84,4	8,0	1,4	2,4	0,6	1,8	1,4
Лиепайский	79,2	9,2	1,6	2,6	0,5	5,9	1,0
Лимбажский	85,4	8,0	1,5	1,8	0,8	0,6	1,9
Лудзенский	53,4	38,4	4,3	1,6	0,8	0,3	1,2
Мадонский	82,3	12,4	1,7	1,4	0,9	0,4	0,9
Огрский	70,5	20,1	3,7	2,2	1,5	0,8	1,2
Прейльский	63,5	29,9	2,0	1,1	1,9	0,4	1,2
Резекненский	53,3	41,7	1,6	0,9	1,4	0,3	0,8
Рижский	58,1	29,4	5,0	3,3	1,7	1,0	1,5
Салдусский	80,7	7,0	1,9	1,7	0,7	7,1	0,9
Талсинский	89,8	4,9	1,1	1,0	0,7	0,6	1,9
Тукумский	79,0	12,1	2,9	2,3	1,0	1,1	1,6
Валкский	74,3	17,4	2,6	2,0	0,9	0,5	2,3
Валмиерский	78,5	14,3	2,6	1,8	0,9	0,5	1,4
Вентспилсский	85,9	8,2	1,2	1,8	0,6	0,9	1,4

¹ Источник: 6, с. 23

Миграция населения, привлекаемого в Прибалтику более высоким уровнем жизни, посила во многом стихийный характер, не поддававшийся регулированию из центра.

Так или иначе, за послевоенные десятилетия в Латвии произошли глубокие изменения национального состава населения. Они выглядят сильнее в сопоставлении с картиной национального состава в 20-30-х гг. и менее разительны, если сравнивать с периодом, предшествовавшим первой мировой войне. Эти изменения явственно видны из таблиц 1-5. Главное в произошедших сдвигах - сильное увеличение удельного веса русских и всего т.н. русскоязычного населения, особенно в городах. Как видно из табл.6, значительная многонациональность населения стала характерной и для сельской местности.

Четыре послевоенные всесоюзные переписи (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.) показывают весьма медленный прирост численности коренной нации и неуклонное снижение ее удельного веса в общей численности населения Латвии. На этом фоне, однако, несколько удивляют итоги последней переписи. В самом деле, если за 9 лет между переписями 1970 и 1979 гг. численность латышей в Латвии увеличилась всего на 2,3 тыс. человек, то за последующие 10 лет, с 1979 по 1989 гг., прирост неожиданно составил 43,7 тыс. человек. За счет чего мог иметь место такой скачок? Некоторого повышения рождаемости, временно наблюдавшегося в середине 80-х гг., для этого явно недостаточно. Например, за 1980 г. естественный прирост числа латышей был отрицательным (сокращение на 2,2 тыс. человек). За всю первую половину 80-х гг. численность коренной нации могла увеличиться благодаря естественному приросту лишь примерно на 4 с небольшим тысячи человек. В 1988 г. естественный прирост числа латышей равнялся 2,4 тыс. человек (6, с.34; 26, с.38). Таким образом, за счет этого источника численность латышей в Латвии между 1979 и 1989 гг. могла возрасти от силы на несколько тысяч человек. Прирост почти в 44 тыс. человек не мог быть обеспечен и

за счет прибытия латышей из других республик СССР: данный фактор дал увеличение численности коренной нации в республике лишь приблизительно на 10 тыс. человек (28).

Очевидно, таким образом, что здесь мы вновь имеем дело с уже знакомым явлением. Как деликатно поясняет профессор П.Звидриныш, остальная часть прироста "могла образоваться из-за ассимиляции... Возможно, что небольшой прирост числа латышей... мог образоваться и из-за недостатков учета" (28).

Иначе говоря, в конце 80-х гг., как и в середине 30-х гг., вновь сложилась общественно-политическая атмосфера, в которой стало предпочтительнее при возможности называться латышом.

С такими периодами, когда оказывалось выгоднее выбирать (пусть даже и без какого-либо открытого принуждения) определенную национальность, мы уже встречались ранее. Думается, что человеку должна быть предоставлена возможность выбирать национальность сообразно своему самосознанию, даже если по крови он принадлежит к другой нации. В противном случае недолго впасть в расизм. Но выбор должен быть действительно свободным, а не под давлением меняющихся обстоятельств. До тех же пор, пока ответ на вопрос о национальности будет даваться с опаской или с оглядкой на выгоду - можно смело утверждать: с правами человека в данном обществе еще не все в порядке.

Между тем никаких иллюзий в отношении возможностей быстрого роста коренной нации быть не может. Некоторое улучшение демографических показателей, достигнутое было в середине 80-х гг., уже несколько лет как ушло в прошлое. Под влиянием обострения всей экономической и социально-политической ситуации в республике вновь упала рождаемость и выросла смертность, сократилась средняя продолжительность жизни. Кроме упавшего почти до нуля естественного прироста, в самое последнее время возникло явление, которого не было все

послевоенные десятилетия: миграционный отток населения за пределы Латвии (превышение выезда над въездом). К началу 1991 г. численность наличного населения республики сократилась с 2686 тыс. человек до 2680,5 тыс. (6, с.14; 9). За счет миграции в 1990 г. на 574 человека увеличилось латышское население (7). Но, как бы ни расценивалось изменение миграционных потоков с точки зрения коренной нации, бегство населения, эмиграция из страны никогда, ни в какие исторические периоды не украшали ни одно независимое государство.

В заключение подчеркнем еще раз: нелатышское население - неотъемлемая составная часть народа Латвии на протяжении многих веков. В течение последних 100 с лишним лет оно составляло от 1/4 - 1/3 до почти половины общей численности жителей на территории Латвии. При этом в процессе длительного совместного проживания каждая нация впитывала в себя и синтезировала самые разнородные этнические элементы. Представители всех национальностей своим трудом вносили вклад в создание материальных и духовных богатств Латвии. Рассуждения о том, чьи именно предки дольше прожили на этой земле и кто потому имеет больше прав - любопытный образец возрождения феодального мышления. Но такое мышление не имеет ничего общего с современным пониманием прав человека.

Источники и литература

1. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897г. Т.11. Лифляндская губерния. /Б.м./, 1905; Т.19. Курляндская губерния. /Б.м./, 1905.
 2. Перепись населения в г.Риге и Рижском патримониальном округе от 5 декабря 1913 г. Вып.1. Рига, 1914.
 3. История Латвийской ССР. Т.2. Рига, 1954.
 4. Советская Латвия (Энциклопедич. справочник). Рига, 1985.
-

5. Прикулис Ю.И., Федотов А.Н. Место Прибалтийских республик в отклонениях от пятилетних планов развития промышленности СССР (к оценке советологических концепций) // Известия АН ЛатвССР. 1989. N 12. С. 42-53.
6. Народное хозяйство Латвии в 1989 году: Стат. ежегодник. Рига, 1990.
7. Советская молодежь. 1991. 8 марта.
8. Диена. 1991. 30 марта.
9. Диена. 1991. 20 июня.
10. СМ - сегодня. 1991. 23 октября.
11. Latvijas statistiskā gada grāmata 1920. R., 1921.
12. Rīgas pilsētas statistiskā gada grāmata 1920-1922. R., 1923.
13. Rīgas pilsētas statistiskā gada grāmata 1925-1926. R., 1927.
14. Skujenieks M. Latvieši svešumā un citas tautas Latvijā. R., 1930.
15. Latvijas statistiskā gada grāmata 1930. R., 1931.
16. Latvijas statistikas gada grāmata 1936. R., 1937.
17. Latviešu konversācijas vārdnīca. R., /b.g./.
18. Latvija citu valstu saimē: Kulturāli-saimnieciskais apskats. R., 1939.
19. Rutkis J. Latvijas ģeogrāfija. Stokholma, 1960.
20. Mežgailis B., Zvidriņš P. Padomju Latvijas iedzīvotāji. R., 1973.
21. Rīga. 1860- 1917. R., 1978.
22. Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic states: Years of dependence, 1940-1980. Berkeley; Los Angeles, 1983.
23. Dreifelds J. Demographic trends in Latvia // Nationalities Papers. 1984. Vol. 12. N 1. P. 49-84.
24. Mežgailis B. Padomju Latvijas demogrāfija: struktūra, procesi, problēmas. R., 1985.
25. Rīga. Enciklopēdija. R., 1988.
26. Eglīte P. Saņemieties, latvieši ! // Skola un ģimene. 1988. Nr. 9. 37.-38. lpp.
27. Cīņa. 1989. 31. janv.
28. Zvidriņš P. Mūsu demogrāfiskie plusi un minusi // Cīņa. 1990. 8.martā.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Русские в Латвии (Исторический очерк. Конец XII - начало XIII века)	
В. Преображенский	5
Русские в Латвии (Исторический очерк. XIII - XIX века)	
А. Поммер	17
Русские реформы 90-х годов	
Н. Бордонос	40
Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики	
А. Федотов	54

Уважаемый читатель!

Перед Вами книга, изданная обществом "ЛАД"

Созданное с целью содействия возрождению и развитию материальной и духовной культуры Латгалии, общество "ЛАД" предлагает сотрудничество всем организациям, учреждениям, предприятиям и отдельным лицам:

- в создании и развитии ремесел и промыслов, распространенных в прошлом в Латгалии, организации производств и надомного труда, помощь в реализации изделий народных мастеров
- в проведении выставок, ярмарок, народных праздников, в оказании услуг по становлению и развитию крестьянских, фермерских хозяйств: предоставлении им юридической, информационной и консультационной помощи, содействия в приобретении техники, технологии, в реализации продукции
- в развитии связей с зарубежными общинами и землячествами, с потомками тех, кто когда-то родился и проживал в Латвии, в соседних регионах, организации взаимных поездок
- компьютерный набор, верстка, разнообразные шрифты, дизайнерские разработки позволяют обществу "ЛАД" оказывать также помощь в издательской деятельности.

Наш адрес: Латвийская Республика, 226029, г. Рига, а/я 318
Факс: (8-0132) 406560

*Возведите очи ваши и посмотрите
на нивы, как они побелели и поспели
к жатве . . . (Ин. 4.35.)*

Братство - это наиболее активная, сплоченная общность православных верующих и духовенства. Просветительская, благотворительная и миссионерская деятельность входили в область попечительства многочисленных братств, процветавших в дореволюционной России и на ее окраинах, а так же и в Латвии.

И сегодня обществу, которое претерпело полное крушение устоявшихся взаимоотношений, в котором нагнетается национальная неприязнь, переживающему общее падение нравов, с одной стороны, и ошеломляющий натиск урбанистического западного культа, с другой, народу фактически лишенному ориентира на истинные ценности, оказавшемуся оторванным от своего исторического и духовного корня, сегодня, как никогда требуется единение и единение в лоне спасительного "ковчега" Русской Православной Церкви, которая единственная способна уберечь ничем не защищенные души.

"Нива духовная" - это большинство людей, чьи предки были православными христианами, в нынешнее время они оказались отторгнутыми от литургической жизни Церкви. Многие не понимают содержания и смысла всего происходящего за богослужением, но тем не менее духовное притяжение к Храму приводит каждого из них в Святилище. Для многих Храм Божий является символом затаенной надежды на возрождение, на объединение и выживание.

Прошла "зима", наступила "весна", пришло время подготовить "ниву" к посеву; взрыхлить, чтобы "ростки" глубже пустили "корни", и чтобы, когда наступит "зной" они не увяли, удалить "тернии", чтобы не мешали росту, огородить, чтобы не вытоптали и как птицы не поклевали семена истинной Веры Православной незваные миссионеры.

Именно эти задачи ставит перед собою вновь созданное братство "Нива духовная", первое учредительное собрание которого состоялось в Риге 22 марта в 15 часов в здании бывшего Духовного училища. Обширное помещение едва вмещало всех собравшихся людей, чающих духовного утешения. Здесь были старенькие бабушки и молодые люди,

священники и прихожане, монахи и миряне. Собрание началось с молитвы "Царю небесный . . .", его открыл Преосвященнейший Александр Епископ Рижский и Латвийский. К благочестивому вниманию присутствующих был предложен рассказ гостя - иеромонаха Кирилла о деятельности братств в России. Последующая лекция как никогда актуально затронула вопрос о взаимоотношениях Православной Церкви с современным миром, лектор ответил на многочисленные вопросы. Болью и надеждой в душе отозвался рассказ инока Арсения из единоверческого прихода об "осколках" древнеправославного благочестия сохранившегося в единоверии.

Регулярность собраний братства было определено, как два раза в месяц.

Великим постом накануне Лазаревой Субботы была проведена общая исповедь пришедших членов братства в крипте Св.Троицкого Собора, Успенском Храме, чинопоследование исповеди читалось по старинному требнику, покаянные молитвы из которого отличаются подробнейшим проникновением в глубины грешной человеческой души.

Со дня образования на братство ложится нелегкая задача духовного просвещения людей, возрождения церковного и гражданского благочестия среди верующих. Дело милосердия и благотворительности является непреложным долгом православных христиан объединенных в братстве. Принятый на учредительном собрании Устав братства "Нива духовная" в достаточной мере отражает его цели и задачи, соблюдение Церковного Устава и Устава братства является главной заботой любого православного христианина, вступающего в братство.

Пользуясь любезно предоставленной возможностью, приглашаем всех желающих присоединиться к жизни братства "Нива духовная".

Член правления В. Сычев

Технологический университет Русской общины Латвии (ТУ РОЛ) был создан в 1991 г. для молодежи, желающей получить высшее образование на русском языке и в соответствии с передовыми методами педагогики.

Университет готовит высококвалифицированных специалистов в областях менеджмента и современных наукоемких и экологически чистых технологий для обеспечения предпринимательской деятельности в Латвии. Образование в ТУ РОЛ направлено также на всестороннее развитие личности, выявление творческих способностей человека.

Концепция обучения в ТУ РОЛ, одобренная специалистами по высшему образованию в Латвии и России, предусматривает:

- использование активных форм и методов обучения, педагогики сотрудничества, информационных технологий в учебном процессе;
- тесную связь с крупными вузами России и Запада, включая завершение обучения студентов за рубежом, для получения остродефицитных специальностей, по которым в Латвии подготовка не ведется.

Таким образом ТУ РОЛ позволяет получить любую техническую, экономическую и естественнонаучную специальность в тех вузах, где сложились ведущие научно-методические школы по самым актуальным профессиям.

В настоящее время финансирование ТУ РОЛ осуществляется, главным образом, за счет пожертвований предпринимателей Латвии. В дальнейшем источником существования должна стать и собственная научно-производственная и предпринимательская деятельность.

В нынешний трудный период становления коллектив ТУ РОЛ будет весьма признателен за любую форму поддержки. Университету требуется лабораторное оборудование, вычислительная, множительная и оргтехника, денежные средства.

Помогая нам, Вы помогаете себе и своим детям.

Вкладывая сегодня средства в ТУ РОЛ, завтра Вы получите лучший товар - знания наших выпускников.

226019, Рига, а/я 185, ТУ РОЛ. Телефон 559427.

Расчетный счет 003467690 в МРО Латвийского Банка г.Риги, код 310101379, почтовый индекс 226174, получатель ТУ РОЛ

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ФИРМА РОЛ-АРТ

- это возрождение утраченных культурных традиций, гастрольная и выставочная деятельность

Галерея РОЛ-АРТ

- постоянно действующая выставка-продажа: Гжель, Ростовская финифть, изделия в технике Палех, Федоскино, Макараме, Архангельская щепная птица, литье, Хохлома, живопись, пастель;
- организация художественных выставок.

Концертное агентство РОЛ-АРТ

- имеет опыт проведения Шереметевской хоровой ассамблеи, рождественских концертов, организация поездки камерного хора "Благовест" на Европейский фестиваль молодежных хоров г. Калундборг (Дания);
- готовится к дням славянских культур.

Школа флористики

под руководством Нины и Ивана Герасимовых существует в Риге с 1989 года, с декабря 1991 года работает при фирме РОЛ-АРТ под названием "Вторая жизнь растений". В школе прошли обучение более 100 человек в возрасте от 10 до 60 лет. За 20 лет работы Герасимовы создали около 100 работ, участвовали в 50 выставках в Латвии, в марте 1992 года - во Всероссийской выставке прикладного искусства и народных ремесел школ искусств России. В апреле-мае с.г. - персональная выставка в Москве.

Детская академия изящных искусств "Антик"

открылась в Риге в декабре 1991 года. Дети осваивают культуру речи, изобразительное и прикладное искусство; обучение с 3-х летнего возраста. Часть занятий учащихся старше 11 лет проходит в залах Государственного Эрмитажа и других музеев Санкт-Петербурга.

С сентября 1992 года вводятся следующие предметы: история искусств, латынь, риторика, эстетика, балетный танец.

Срок обучения 7 лет. По окончании академии выдается диплом.

ЖДЕМ ВАШИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ !

Латвийская Республика, 226001, г. Рига, ул. Стабу, 2-7
телефоны: 323033, 323011; факс (0132) 331920 РОЛ-АРТ

АНТИПОВ Николай Гурьевич - президент фирмы РОЛ-АРТ
(Домашний телефон: 271633)

Русские в Латвии. История и современность. Выпуск 1

Художник – А.А. Шарга

Компьютерная верстка – Ю.В. Иванов

Лицензия № 2-0440. Формат 60x84 1/16.

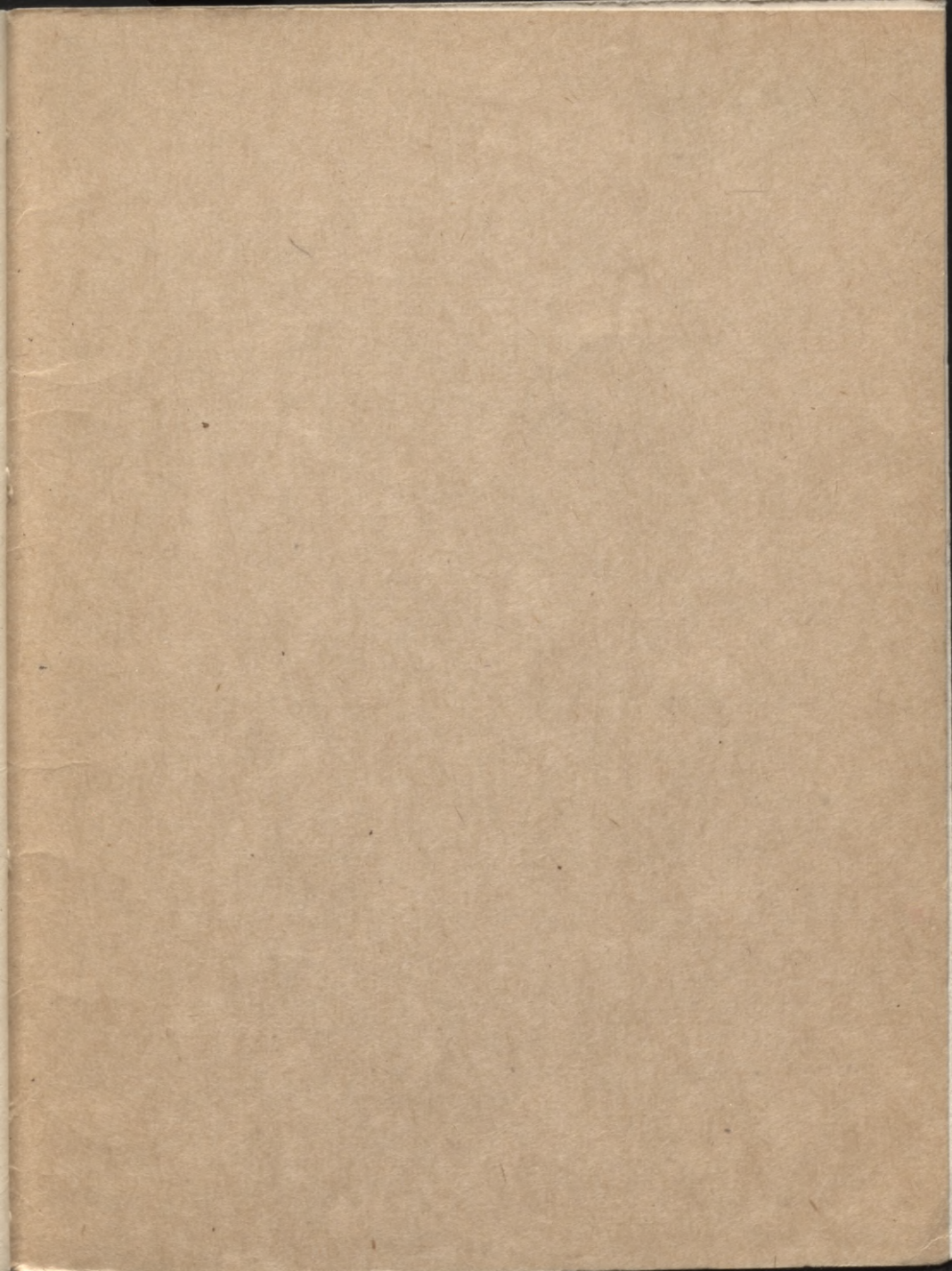
Гарнитура "Таймс". Бумага офсетная Зак. 132.

Тираж 4000 экз. Цена договорная.

Отпечатано в типографии инж. центр "Лидагс"

Krievi Latvijā. Pagātne un mūsdienas. 1. izlaidums

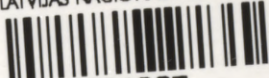
Izdevējs: SIA "LAD". Līcenz Nr. 2-0440. Metiens 4000 eks.

510-
1

Kontroleksemplars

LATVIJAS NACIONĀLA BIBLIOTĒKA

0307084827

9